

Давид Яковлевич Айзман

Терновый куст

АЙЗМАН Давид Яковлевич [1869–1922] — русско-еврейский беллетрист. Лит-ую деятельность начал в 1901, первый сборник рассказов вышел в 1904 (изд. «Русского богатства», СПб.). Внимание А. привлекала прежде всего еврейская среда; его повести и рассказы: «Ледоход», «Кровавый разлив», «Враги» и др. — беллетристическая интерпретация так наз. «еврейского вопроса» (бесправное положение евреев в царской России, их взаимоотношения с окружающим населением и т. д.), выдержанная в обычном либерально-народническом духе. Оставаясь в общем верным старой реалистической манере письма, А. по ряду внешних признаков примыкает к группе писателей (самым ярким ее представителем является С. Юшкевич), к-рая разрабатывала условный «русско-еврейский» стиль, стремясь оттенить строй еврейской речи.

Содержание

#1	0005
ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ	0006
ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ	0034
ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ	0065
ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ	0093
ПРИМЕЧАНИЯ	0118

Д. Айзман
Терновый куст
Пьеса в четырех действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Самсон — лудильщик, 43 лет.

Леа — его жена, 40 лет

Манус, 19 лет |

Дора, 18 лет } их дети.

Леньчик, 14 лет |

*Меер — собирает по дворам кости,
63 лет.*

Шейва — его жена, родственница

Леи, 58 лет.

Берл — работник Самсона, 23 лет.

Коган — богатый человек.

Александр — его сын, студент.

*Нейман — студент, товарищ Алек-
сандра.*

Сосед, 35 лет.

Слепая, 25 лет.

*Двое рабочих, офицер, солдаты,
толпа.*

Действие происходит в большом южнорус-
ском городе летом 1905 года.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Мастерская лудильщика в подвале. К двери, ведущей на улицу, восемь ступенек. Другая дверь ведет в спальню, а третья, налево, во двор. Два оконца ниже уровня земли. Небольшой горн, наковальня, несколько старых самоваров и кастрюль; жестянки, котлы, листы кровельного железа. Невысокий шкафчик с оторванной дверцей служит столом. Скамья, два-три табурета. Леа, среднего роста женщина, высохшая, с большими черными глазами, сидит у шкафчика. Шейва, маленькая старушка с круглым лицом и мелкими, незначительными чертами. Суетливая, визгливая, как-то по-детски недалекая, — и это сквозит во всех ее словах и жестах.

Шейва. Такие дети, такие дети!.. Царем не надо быть, когда бог благословит такими детьми, — дай нам бог так здоровья!

Леа. Я в тревоге.

Шейва. Не понимаю: чего тебе еще надо!.. Дорочка твоя — ведь, она как солнце сияет!..

А Мануе, послушать только, как он говорит! Жемчуг на серебро сыплется.

Леа. А я в тревоге. Я, Шейва, в тревоге.

Шейва. Возьми Александра Когана: почти доктор, говорит по-немецки, по-французски, по-латински... Сколько потрачено на его книжки, и за один только год, — вы на Мануса не издержали за всю его жизнь, дай нам бог так здоровья! А вчера вот они затеяли спор, и Манус его прямо как курицу под лавку загнал... О чем они спорят, я не знаю — пролетариат туда, пролетариат сюда, — но вижу, что у Мануса каждое слово — искра! Оно горит! Лучи от него... А Александр — он таки козленок.

Леа. Я не знаю... но в сердце моем тоска.

Шейва. И еще я тебе скажу: у Александра с Дорой дело серьезно налаживается. Можешь мне поверить: у меня на это глаз. Я не знаю еще, как она к ему, но что он готов повести ее к венцу хоть завтра — за это я ручаюсь тебе глупой моей головой.

Леа (встает и испуганно озирается). В тревоге я, Шейва!.. Не жду хорошего... Что-то преследует... Когда я дома и одна — я плачу, а с

людьми я молчу и тоскую. И днем и ночью... И ночью я беспокойна и не сплю.

Шейва. Ты за детей беспокоишься? Все за детей беспокоятся.

Леа. Места себе не найду. Не могу жить.

Шейва. Но ничего ведь не случилось.

Леа. Я не знаю... я не знаю... Может быть, и случилось... Разве я знаю? Разве кто-нибудь знает?.. Может быть, и случилось... (Пауза.) Мне кажется, уже случилось...

Шейва. Все это пустяки, дай нам бог так здоровья... Знаю я, что буду танцевать у Доры на свадьбе — вот так вот: гоп-ай, гоп-ай, гоп-ай — и больше ничего.

Леа. Не будет свадьбы. Не будет хорошего... Только мрак, только печали.

Шейва (укоризненно качает головой). Глупое ты существо, дай нам бог так здоровья!

Леа. Только мрак. Только печали.

Входят Манус и Ленчик. Манус — худой, сутулый юноша, с едва заметными усиками. Ленчик — шустрый мальчуган, очень любит хмурить брови и принимать серьезный вид, но часто делает это некстати, и оттого

выходит смешно. В синей косоворотке.

Манус (весело, ласково). Вот, мама, я пришел. Ты уже соскучилась, да?

Леа (печально улыбаясь). Разве это скука, Манус? Это другое, это совсем другое... Я сама не знаю, как назвать... И никогда этого не было...

Леньчик. Ну положим! Каждый раз, когда уезжают...

Леа. Так никогда еще не было. Так никогда не было... Сердце у меня между жерновами.

Манус (с тоской). Мама, не говори так.

Шейва. И что за разговоры такие! Ну и уезжает... Малюсенький он? Выхватят его?.. Пусть себе едет, без него ярмарок состоится.

Манус. Вот, мама, если бы эти слова ты мне сказала.

Леа (печально). А я разве что говорю? Если тебе это нужно, если ты этого хочешь — уезжай... Там, где дети хотят, — сердце матери должно молчать.

Леньчик (задорно). Надо, чтобы и рот молчал, вот что!

Шейва. Ты тоже суешься, ты, цуцик!

Леньчик. Конечно!.. Расстраивают Мануса,

печальные, угрюмые, вздыхают, стонут... Надо ему — он едет! Чего все вмешиваются!.. Ну идем, Манус, проститься с бабушкой, а потом придешь сюда... слушать, как стонут.

Манус. Мы скоро вернемся, мама. И ты будешь веселая и будешь улыбаться... да?... Правда?.. И не грустно будешь улыбаться, не так, как сейчас, а весело... Ты будешь веселой, мама?.. Будешь?.. (Ласкается к ней.)

Леа. Буду, буду, Манус... Скорее возвращайся...

Леньчик (тащит брата за руку). Едем, едем... Я ей тут выкину разные штуки, на руках буду ходить и буду петь, как граммофон. (Подражает граммофону.) Ничего, развеселю.

Уходят.

Шейва. Дорогой Манус... Золотое дитя...

Леа (в тоске). Я не знаю... не понимаю, что это... Он не такой, как всегда... Он как будто особенно ласков, особенно нежен.

Шейва. Ты и на это будешь жаловаться?

Леа (задумчиво, точно прислушиваясь к чему-то далекому). Я предпочла бы, чтобы он был груб, резок.

Шейва (с раздражением). Не понимаю!.. У нее мозг головой вниз стоит... Слыхали вы такое? Сын у нее добрый, и любезный, и ласковый, — а ей нужно, чтобы он был тигр.

Леа. Что-то странное происходит... Незаметно для самих себя все особенно внимательны к Манусу. Все о нем заботятся, стараются не огорчить его... Отчего?.. Ленчик не отступает от него, всюду за ним. Дора не сводит с него глаз. Берл тоже... Александр ловит каждое его слово, и глаза его разгораются... точно он улететь хочет... И соседи приходят, спрашивают о нем... Отчего они приходят, Шейва, отчего они приходят?

Шейва. А, глупости ты спрашиваешь!..

Леа. Что-то случится... Или что-то уже случилось... Ведь никто ничего не знает... Куда-то мы несемся... или на нас что-то несет... Шейва, что-то недоброе идет на нас! Стучит ногами и машет черным покровом... Я жду... Я стою и жду... Куда уйти?.. Я стою и жду... И спрашиваю.... и спрашиваю... И уже незачем спрашивать. Потому что уже случилось... Уже случилось, Шейва, уже случилось! (Схватывает Шейву за руку и широко раскры-

ТЫМИ глазами, оцепенев, смотрит вперед.)

Шейва взволнована, опечалена, но лицо ее выражает и нетерпение и досаду. Минуту спустя в дверях показываются Самсон и Меер. Самсон — высокий человек, худой, с круглой черной бородой, с длинными, тонкими ногами. Меер — маленький старичок, сгорбленный, с огромной седой бородой, смешно торчащей на обеих щеках по сторонам. За мученное, совершенно изношенное существо. Ноги искривлены дугой, одна много короче другой. Сильно хромает.

Меер. Ой, измучился... Проходите, Самсон, проходите... Жара как в Египте, а исходил я верст двадцать. (Опускает на землю два мешка с костями и садится.)

Самсон. А заработали?

Меер. А заработал на воду для каши... Ничего, с голоду не умрем.

Самсон. Не с голоду, от истощения.

Меер. Можно лучше сделать? Лучше не сделаешь... Завздыхал, застонал, и айда дальше! Фу-ты, как измучился. Душа из тела уходит. Но, прежде чем идти домой, захотел поглядеть Мануса...

Леа (в испуге схватывает Шейву за руку). Вот видишь, Мануса повидать...

Шейва. Что же ты хочешь? Дядя же, — а Манус уезжает...

Леа. Господи, смилостивься надо мной!

Входит Берл, щекастый малый со страшно густыми, торчащими кверху огненного цвета волосами; несет на голове ванну, опускает ее на пол и идет к горну, раздувает мехом огонь.

Шейва (мужу). Иди, иди домой, умоешься хоть.

Меер. Ох подожди... силы нет... (Он говорит с трудом, как если бы взбежал на гору, отдуваясь и вытирая пот с лица.) Сегодня по дачам кости собирал... Костей в мешке пуда два... И когда тащишь мешок на спине по солнцепеку, голодный, — а пыль такая, что всего тебя так и засыпает, и еще с каждой дачи выскакивают собаки и хватают тебя за икры, и случается, что дворник замахнется на тебя метлой... ох!.. — так делается сладко, что если бы не седая борода, то лег бы вот так вот среди дороги и заплакал...

Берл. Ну я не заплачу... У меня другие за-

плачут!..

Меер. Кто же это — другие?

Берл. А вот те, которые так устроили, что человек с седой бородой, и больной, должен по дворам ходить собирать кости...

Самсон. Вся наша жизнь мученическая. Все мы мученики.

Меер. Ничего... Как-нибудь... Завздохал, застонал, и айда дальше!.. И не оглядывайся... Оглянешься — ослепнешь...

Берл. Нет, ослепнут другие. (С внезапной злобой.) Глаза я у них вырву, проклятые внутренности я вырву у них!

Меер. Ой, Берл, Берл!.. Научи тебя... А что может ожидать человека, который вот так рассуждает?

Самсон. А что ожидает вас, если вы иначе рассуждаете? А что всех нас ожидает?

Входит сосед с ребенком на руках. Он в опорках на босу ногу, в жилете, без пиджака. Ворот расстегнут, видна грудь. Длинная голова, орлиный кривой нос, в глазах пламя чахотки. Жиденькая бороденка; усов почти нет. Девочка, лет пяти, босая, грязная, заморен-

ная, идет за ним.

Что вот его ожидает или его детей?

Сосед. Меня что ожидает, я давно знаю. (Кашляет.) Видите — кровь... Вчера у доктора был... Говорит: «каверна»... Чем занимаюсь, спрашивает. Говорю — латыжник, сапоги латаю... «Нельзя вам этим заниматься, нельзя сидеть много, нельзя кожей дышать...» (Кашляет.) Без него не знаю я...

Леа (со стоном). И он Мануса пришел видеть... И он к Манусу...

Сосед. Ночью я весь мокрый от пота... подушка под головой мокрая... Молоко велел доктор... «Молоко!».. Хлеба достать бы... (Помолчав.) Работы нет... силы нет... жить нечем... и умереть нельзя.

Меер. Бог даст, еще поживете.

Сосед. Запретил доктор целовать детей — зараза. И чтоб отдельно жили... Разве ж я могу?.. Вот я ее гоняю от себя — она по двору бегает... А маленький всегда со мной... Как умерла мать, он все со мной... И когда работаю, и вот когда ухожу... Работаешь, а он подле, в корзине спит... Ну конечно, не целуешь... А другой раз не вытерпишь и — в нож-

ку... Дитя ведь, мое ведь дитя... Кровь моя!.. И еще, может быть, только месяц какой-нибудь жить мне и видеть его... (Кашляет.)

Самсон. Не может это быть, чтобы жизнь всегда оставалась такой проклятой, такой невыносимой! Все вверх дном должно пойти. Все перевернуть надо!

Меер. А кто сможет это?.. А кто это сделает?

Сосед. Я зашел... я хотел видеть вашего Мануса.

Леа (быстро поднимает голову, стонет). Ой, горько мне...

Сосед. Слышал, что уезжает он... Хотел проститься.

Леа. Хочет проститься... Все хотят с ним проститься...

Меер. Что ж, это понятно... Вот Шойлек ведет свою тетку, верно, и она проститься пришла.

Входит босоногий оборвыш-мальчик. Опираясь на его плечо одной рукой, а другой опираясь на высокую палку, входит слепая.

Слепая. Есть тут кто-нибудь? Здравствуй-

те... Вы здесь, Леа?

Леа. Ой, боже мой! Ой, господи боже мой!..

Слепая. Стонете, Леа?.. Что ж, оно так: стон — наш хлеб. Все мы стонем. И вся наша жизнь — один стон. Один кровавый стон.

Меер. Ну чего еще вы пришли гвозди в сердце вколачивать!

Слепая. Не я вколачиваю их, жизнь вколачивает... Это, кажется, вы, Меер?.. И сколько вколотила она их, что больше уж и места нет.

Сосед. Деточки мои... птичечки мои...

Слепая. Пока была я зрячей — жизнь как будто манила... Все же я целый человек была. Теперь только лохмотья остались...

Сосед. И душа для страдания.

Берл. И рот, чтобы есть.

Слепая. Правда, объедаю детей... И все голодны.

Шейва. В двадцать три года ослепнуть — это таки большое несчастье. Но только в вашей слепоте вы сами виноваты, дай нам бог так здоровья. Знали, что ртуть вредит, — надо было бросить фабрику.

Самсон. Вы, Шейва, всегда умнее всех скажете.

Слепая. Когда ж нужда, когда восьмеро детей у сестры!.. А у мужа ее во время погрома громилы обе руки отрубили. Если бы я не работала, всем с голоду надо было бы умереть... Полоскала я глаза, примочки на ночь клала... на молодость надеялась... Не помогло... Глаза вытекли...

Самсон. Когда станешь присматриваться к этому океану страданий, то чувствуешь, как дрожит мозг... Где правда? Где справедливость?

Меер (нараспев и как бы с удивлением). Вот вовсе чего вы захотели!

Самсон. Стоны, вопли, преждевременное одряхление, изувеченные члены, изможденные тела уродов. Жизнь более ужасная, чем смерть, и смерть более сладкая, чем радость... Ждешь ее, призываешь смерть, единственного утешителя и друга... Лучшие черты наши стираются, мы становимся злыми, бездушными, жестокими, мы заедаем друг друга, топчем. Звереем все, и даже без пользы для себя делаем зло другим. Измученные, мучаем. Свирепыми делаемся, гнусными. Сносим покорно всякую подлость, всякое преступление. Слабо-

го давим и пресмыкательски улыбаемся злодеядию — даже когда оно душит нас самих, наших детей... Что такое! Ведь человек, человек это делает!.. И я не понимаю, я не понимаю, как только не сойдешь с ума!..

Меер (встает). Когда вы начинаете эти ваши разговоры, то мне кажется, что не двадцать верст я прошел, а двести и что сейчас я упаду.

Сосед. Жить нечем... и умереть нельзя.

Меер. Вот увидите, вы еще долго будете жить.

Берл. Не будет он жить.

Шейва. Молчи, Берл! У тебя сердце полицейского, дай нам бог так здоровья.

Слепая. Берл, вы ошибаетесь: сосед наш жить еще будет. (Многозначительно.) И почему — это я знаю.

Берл. А куда его дети пойдут, когда он умрет?

Слепая (многозначительно, загадочно). И это я знаю... Когда-нибудь я вам скажу. Позаботятся о детях... И кто позаботится, тоже я знаю.

Леа. Тяжело мне... Страшно мне... (Выхо-

дит.)

Девочка соседа (дергает отца за руку и показывает на шкафчик). Хлеб.

Самсон. Она голодна? Вон и молоко есть. (Дает девочке молока и хлеба. Та с жадностью ест.)

Слепая (задумчиво, медленно, как бы про себя). Если бы могла я... собрала бы всех страдающих... замученных всех... собрала бы на острове... и остров в море погрузила... Пусть отдохнут...

Берл (гневно ударяет молотом об накопальню). Ничего! Заплатят нам! Время уместит придет.

Слепая. Все нищие — благотворители; все парализованные — мстители.

Меер (махнув рукой). Сотни лет идет время мести, тысячелетия идет оно — и так же далеко оно теперь, как было при праотце Иакове... Понимаешь?... Понимаешь это?.. Ну и двадцать верст по солнцепеку для старого человека тоже достаточно... Уйду от вас. Ох-хо-хо... (Берется за мешки.) И застонать силы нет.

Шейва. Иди уж, иди, богатырь мой! Я меш-

ки возьму. (Взваливает на себя мешки и вслед за Меером уходит.)

Слепая. Пойду и я, дома стирка ждет... Кланяйтесь от меня Манусу. Пожелайте ему счастья. Веди меня, Шойлек. (Уходит.)

Самсон. Ты самовар Левицким отнес, Берл?

Берл. Сейчас отнесу.

Самсон. Нет, я сам... Давай его сюда. А ты сходи на Долгую улицу, к доктору, там ванну для починки взял — принеси.

Берл уходит. Самсон достает с полки самовар.

Сосед. Я еще зайду к вам, Самсон... Пойду под акацией посижу... Воздух там, и могу дышать... Наелась, дочечка? Крошечки мои... цветочки вы мои... (Берет девочку за руку и уходит.)

Самсон с самоваром под мышкой идет на улицу. Минуту сцена пуста. Входят Александр и Дора. Он изящный блондин, в белой тужурке. Она брюнетка, худенькая, с красивыми чертами.

Дора. И вы заметили?

Александр. Еще бы!

Дора. Возбужденный, живой, в глазах какой-то особенный блеск...

Александр. Это минутами, когда прорвется... А вообще — необычайно сосредоточенный, углубленный какой-то.

Дора. Этот неожиданный приезд... и скорый отъезд... И потом... знаете, Манус не так относится к людям, как относился раньше. Мать он целует, ласкается к ней... А вообще это у нас как-то не делается... И со всеми он особенно ласков.

Александр. По отношению ко мне я, действительно заметил это.

Дора. И — что всего необыкновеннее — это то, что и к нему не так относятся, как раньше... Это странно, Александр, это в высшей степени странно. И какое-то особенное дружелюбие питают к нему... Заходят соседи, и мне случалось ловить их взгляды на Манусе — печальные и любящие взгляды.

Александр. Вы знаете, на меня он всегда оказывал огромное влияние.

Дора. Тут что-то таинственное... Всех влечет к нему...

Александр. Теперь особенно.

Дора. Да, теперь особенно... Третий день, как он приехал, и все здесь стало мне казаться значительно важнее...

Александр. Такое же точно впечатление и у меня, Дора. Все как-то выросло в моих глазах. И самого себя я чувствую как бы более важным и ценным. (Подумав.) Он что-то важное делает, Дора, огромное... И на меня это действует необычайно.

Дора (вполголоса). Вам не кажется, что он... приехал проститься?..

Александр (горячо). Да-да, Дора! Он за этим приехал!.. Он молчалив — и никогда так не волновал он меня самыми пламенными речами своими, как волнует теперь молчанием... Смотрю я на него, и все он мне кажется там... (указывает наверх) высоко... И не могу вам сказать, Дора, до какой степени это меня возвышает... Совсем новые чувства являются, новые мысли. Кажется, даже слова приходят теперь такие, каких никогда раньше не употреблял. Это прямо вдохновение какое-то.

Дора. Это удивительно, Александр, мы с вами переживаем совершенно одинаковые

настроения.

Александр. Я вижу, Дора, я понимаю... Манус идет на огромное дело... на великое... на дело, которое принесет сразу смерть и бессмертие. (Все сильнее и сильнее увлекаясь.) И я завидую ему. О, как я ему завидую! Всей душой моей радуюсь за него, всем сердцем моим благословляю его — и завидую, завидую безмерно!

Дора (в радостном изумлении схватывает его за руку). Что вы говорите, Александр!

Александр (воспламеняясь, не слушая ее). Завидую!.. Потому что и я хочу! Я тоже хочу большого опасного дела. Я не хочу больше этих хлопот, маленьких страхов, маленьких побед. Я потонуть хочу в самом деле! О, как это хорошо! Сделать шаг, гигантский, безумно смелый, неба коснуться — и затем погибнуть...

Дора. Александр! Александр! (Потрясенная, сияющая, с выражением торжества схватывает его за обе руки.)

Александр. В самую пучину хочу я!.. В глубь водоворота... Где мука, где смерть, где следов не останется от человека... Манус идет,

и я тоже пойду. Всю тяжесть нашу взвалю на себя и пойду!

Дора. О мой любимый! О мой светлый, чудесный мой друг!

Александр (пораженный, отступает).
Что?.. Вы?.. Дора... вы любите?..

Дора. Как ты свое дело, Александр! Как ты свою муку, Александр!

Александр. Дора!.. Счастье мое...

Дора (отошла. С выражением радостного изумления, точно озаренная, смотрит на него. Говорит медленно, растягивает слова). Так вот ты какой?!

Входят Манус и Ленчик.

Манус. А я к вам забегал, Александр... Уезжаю я... и, может быть, надолго... Ах, эти прощания!.. Мучительная вещь... А родителям... тяжело им, Дора?

Ленчик. Ничего, привыкнут... Как говорит дядя Меер: завздыхал, застонал, айда дальше.

Александр. Отец не выказывает печали, но мать, наверное, будет много плакать.

Манус. Много плакать?.. О, да... много пла-

кать... Ах, она будет много плакать.

Входит Леа.

(Бросается к ней и обнимает ее.) Мама, милая... Уже у всех побывал... Мама, не сердись, что я уезжаю. И вообще не сердись... никогда на меня не сердись...

Леа (печально ласково, сквозь слезы). Дитя мое... разве могу я на тебя сердиться? Ты хочешь так — пусть будет так. Ты хочешь навыворот — пусть будет навыворот.

Манус. Я хочу, мама... Я не могу иначе... Вот, я брошу книжку, — она не может упасть на потолок, невозможно это, правда, невозможно, мама?..

Леа (гладит его по голове, улыбаясь сквозь слезы). О дитя... Я таки не видела, чтобы книжка падала кверху.

Леньчик. Гладит его!.. Ты бы его на ручки взяла! Ведь он ляля, он детонька, ему лосадку надо.

Манус. Ну вот, ты же сама сказала... Возьми, мама, эту книжку, возьми, спрячь ее... на память.

Дора (тихо, Александру). Какой он стран-

ный!

Манус. Мама, я так люблю тебя... Силы мои оставляют меня...

Леньчик (строго, басом). Не кисни, Манус, не кисни!

Манус. Все мое сердце для вас, вся душа... и я уезжаю...

Леа. Что делать? Ну что ж делать?

Манус. Да-да! Вот так, как ты говоришь, мама: «Что делать, что делать...» Хотел бы — о боже мой, как хотел бы — быть с вами! Жить с вами, с вами работать, с вами горевать, с вами делить ваши бедные радости... Но что делать?.. Вот горн отца... С лишком тридцать лет стоит перед ним отец. Меня не было, ты еще не знала отца, он мальчиком был, когда стал к горну, работал, работал, работал — и что получил?.. Что видел он, кроме голода, унижения, насилия и боли?.. Что узнал он, кроме печалей и ужаса? И вы все, — что знали вы другое, кроме горьких скорбей?.. Ах, что делать, мама!.. Не могу оставаться... Я так хотел бы... Мне дорого здесь все, каждый предмет, каждый гвоздь, каждый обрезок жести, выкроенный рукой отца... Все приросло к

моему сердцу и все говорит: «Иди, иди, Манус!..» Горн мне говорит — иди! Сырые стены эти мне говорят — иди! И вся улица и все переулки эти, с черными и смрадными трущобами, мне говорят — иди!.. Ужас, который царит в них, страдания, железной тучей нависшие, тоска и мука каждого камня, все говорит мне — иди!.. На тебя смотрю, мама, на мученическое лицо твое, — громче, чем все, отчетливее, чем все, постоянно, и властно твердит оно: «Манус, иди!»

Леньчик. Иди, Манус, иди!

Леа (нежно). Ты таки совсем дитя!.. Я только одно и думаю, об одном только и молюсь я: останься здесь, никуда не надо.

Манус. Ты говоришь «останься», мама, а я слышу: «Иди, Манус, иди».

Леньчик. Иди, Манус, иди!

Манус (со страшной внутренней болью. Как бы для самого себя, как бы позабыл о присутствующих). Ненавистный путь... проклятый и ненавистный... Но как же иначе?..

Леньчик. Иди, Манус, иди!

Входит Самсон.

Самсон. А, вернулся наконец... (Садится.)

Молчание.

Что ж, не хочешь побыть с нами?..

Молчание.

Хоть немножко еще?..

Молчание.

Дора. Завтра так же не захочется расставаться, как сегодня. Пусть едет.

Самсон (уныло). Пусть едет...

Молчание. Входит Шейва.

Шейва. Манус, вот я связала тебе шарф. На зиму.

Александр. До зимы далеко.

Шейва. И летом бывает нужен, если сыро. Ого, еще как!.. А Манус — вы не знаете? — чуть малейшее, и у него насморк.

Дора. Пойдемте, я уложу его вещи.

Шейва. Я ж его хорошо знаю: он о себе никогда не позаботится, не купит. А когда дождь, слякоть — выскочит с открытой шеей, и готово! Горло болит.

Дора (в нетерпении перебивает). Где его

чемодан?

Шейва. Когда ты дома, ты у меня небольшой пан, заботиться о тебе не очень-то стану. Ну а когда в отъезде... А ну-ка, примерь шарф!.. Ага, небось мягкий. (Поворачивается к присутствующим.) Если по два восемьдесят шерсть, то она грубая, трет шею, как войлок... Да ты не ленись, ты примерь шарф.

Манус. Да-да... хорошо, примерю.

Шейва (весело, горделиво, с сознанием своих заслуг). Шарф, что это? Стакан чаю? В минуточку выпил, и кончено? Шарф — это надолго... Так уж я себе думаю: пускай шерсть подороже... Что? Непременно надо, чтобы из-за двадцати копеек шею натерло как веревкой?

Дора (с отчаянием). Тетя!

Шейва (все больше оживляясь). Пожалеею я двадцать копеек?.. Шарф — ого!.. Поди-ка, сунься-ка в лавки... Да ты примерь его, примерь!.. Чего ты боишься?.. Это не петля... Давай-ка сюда шею... Давай шею... Чего ты боишься?... Тебя повесить хотят?...

Самсон (весь бледный, дрожит, в тайном ужасе вытягивается). Вы уйдете отсюда?.. Уй-

дете вы?.. (Выходит.)

Александр. Вот чемодан.

Манус. Да-да... надо торопиться...

Дора. Я сложу в две минуты... Идемте в спальню...

Все, кроме Александра, уходят в спальню.

Александр. Она меня любит... она меня любит... О радость!..

Входит Нейман

Нейман. А я у тебя был... Шрифт, который у тебя, надо сплавить...

Александр (тревожно). А что такое?

Нейман. Ничего... Но следят...

Александр. Так это надо поскорей... надо сейчас...

Нейман. На Загородной улице типография взята... Черепков арестован... а Никита отстреливался и убежал. Надо добыть ему паспорт и ночью выпроводить из города.

Александр (быстро оглядывается). Ты не так громко... Ах, боже мой, как, однако, часты стали провалы!..

Нейман. Не чаще, чем раньше. Во всяком

случае, остается одно — надо удвоить энергию.

Александр. Главное, осторожнее надо!

Нейман. Да, и это нужно.

Входит Манус, за ним остальные. Мер тоже здесь. Ленчик несет чемодан.

Самсон. Я бы все-таки поехал на вокзал.

Дора. К чему? Можно и здесь проститься.

Ленчик. Я тоже не поеду на вокзал!

Манус. Ах, Нейман!.. Рад, что вы пришли... Простимся. Будьте здоровы... будьте счастливы... и счастливо работайте...

Нейман. Прощайте. Давай бог успеха.

Ленчик (размахивая чемоданом). Тебе, Манус, — там, а... кому надо — здесь.

Дора. Успех будет. Успех, во всяком случае, будет.

Манус. Так, сестра!.. Успех, во всяком случае, будет... Ну со всеми, кажется?

Слышен рожок приближающейся конки.

Александр. Конка идет... торопитесь.

Манус. Со всеми простился?.. Мама!.. Еще раз... Мама моя!.. (Бросается к матери, долго

целует ее и, вырвавшись, бежит к двери.)

Все за ним. У двери столпились, проходя в нее по одному. Дора за рукав придерживает Мануса, они оба остаются позади. Когда все уже вышли, Дора быстро приводит брата на авансцену и говорит вполголоса, но крайне выразительно, с силой.

Дора. Манус... Прощение о помиловании подписано не будет...

Манус (пораженный, отступает). Ты... Ты что?!.. Ты знаешь?..

Дора (поспешно). Ничего не знаю, ничего не знаю!.. Но... если случится... прощение о помиловании подписано не будет.

Манус (смотрит на сестру в упор). Не подпишу!

Дора. Так... И мама не подпишет... Я ручаюсь... Будь спокоен... Прощай!.. Прощай... (Обнимая его.) Теперь иди... Иди... Манус, иди!.. (Он идет. Сестра за ним.)

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Между первым и вторым действием проходит две недели. Бедная комната позади мастерской Самсона. Две двери — одна в мастерскую, другая во двор. Железная кровать, несколько стульев, комод. Самодельная этажерка с книгами. На стенах фотографические карточки писателей. Леньчик, полуодетый и босой, лежит на сундуке. Берл у стола читает газету.

Леньчик (поет).

«Вы жертвою пали в борьбе
роковой
Любви беззаветной к народу».

(Стонет.) Ой-ой-ой!..

Берл. Так больно?

Леньчик (стонет, всхлипывает). Ой-ой-ой!..

Берл. Так крепко больно?

Леньчик. Ужжжасно... Жжет. (Превозмогая себя.) А здорово, знаешь, говорил вчера Самойло.

Берл. Что же он сказал?

Леньчик. Да все... Про свободу, про рабо-

чий класс... Призывал к забастовке... Потом говорила наша Дора... Вот кто молодец, Берл! (Быстро садится.)

Берл. А она что говорила?

Леньчик. Ах, как она говорила!.. Голос, глаза... Дрожь по телу проходила, ей-богу...

Берл. Ах... и меня не было!

Леньчик. Можешь пожалеть, можешь... Я уж, кажется, хорошо знаю ее, но такой ее еще не видел... Понимаешь: она над могилой, красное знамя над ней... Солнце садилось, и от него и от красного знамени Дора вся как в огне... И каждое слово ее из огня. «Отомстим за замученных братьев! За одну погубленную жизнь мы десять жизней возьмем. За одну каплю пролетарской крови пусть прольются реки крови наших убийц!..».

Берл. Ах!..

Леньчик. Все зажглись, Берл!.. Все как герои сделались. А Дора... красивая она была, красивая!..

Берл. Ну еще, ну... (В восхищении надвигается на Леньчика.)

Леньчик. Потом запели... Может быть, пять тысяч человек грянули: «Вы жертвою па-

ли в борьбе роковой». Так вышло грозно... страшно... Мне показалось, что и все покойники в могилах запели!.. У меня кулаки были сжаты, и сердце так билось, что я дышать не мог... Ух!.. Только, знаешь... (Смущенно умолкает. Смотрит в сторону. Потом с внезапным порывом.) Я себя терпеть не могу. Я себя презираю!

Берл. Почему же, чудак ты!

Леньчик. Я... заплакал... я не выдержал... я был в таком волнении, что не выдержал и заплакал...

Берл. Вот тебе раз.

Леньчик. Ведь это же подло, Берл!.. Ничтожно!.. Надо быть крепким! (Ударяет кулаком об сундук.) Надо быть сильным! Надо быть твердым как сталь. А я... черт меня знает... (Сквозь слезы.) Я ненавижу себя...

Берл. Эх ты!.. Да ты и сейчас раскуксишься.

Леньчик. Такая гадость!.. (Помолчав.) Ну ничего!.. Я добьюсь... Я переделаю себя. Я гранитным стану. (Успокоенный.) А Сидорчук тоже хорошо говорил. Знаешь, молотобоец этот, рябой... Потом Нейман. И Александр Коган.

Берл. А, и этот?.. Ему тоже надо?

Леньчик. Он не умеет, Берл! Слабенький он, теряется, путает, по сторонам смотрит... Что-нибудь вдруг выкрикнет, а потом еле бормочет.

Берл. И какого черта лезет! Сидел бы у папеньки в конторе и сторожил выручку... Харя шелковая.

Леньчик (стонет). У, черт, как горит!..

Берл. Может, переменить компресс?

Леньчик. Меняй... и на спину тоже. (Стонет. Тихо, медленно, как бы доверяя тайну.) А знаешь?.. У меня, должно быть, внутри что-то отбито.

Берл. Дора где была, когда Александр говорил? (Меняет мальчику компресс.)

Леньчик. Подле него, подле могилы... Вышли с кладбища — ничего, а уж потом, около самого города, налетели казаки и пошли бить нагайками... Страшное дело, как избили. Шестнадцать человек в больницу отвезли... Один, говорят, уже умер... Дору по плечу хватили, Неймана, кажется, в грудь.

Берл. А Александр? Цел?

Леньчик. Ну не всех же избили. (Стонет.)

Берл. Да, разумеется, не всех.

Молчание.

Леньчик (поет). «Вы жертвою пали в борьбе роковой...»

Берл. Вот он идет, находка редкостная.

Леньчик. Кто такой?

Берл. Да вот этот самый... И нагайка его не берет... Видеть не могу его. (Уходит.)

Леньчик. Сердитый ты.

Входит Александр.

Александр. Как дела, Робеспьер?

Леньчик. Ничего... побаливает... Послушайте, а как здорово говорила Дора, а?

Александр. Прекрасно говорила. Ее дома нет?

Леньчик. И молотобоец хорошо. А вы... знаете, вы уж очень крепко тихо!

Александр. Письма от Мануса не было?

Леньчик. Тут громко надо. С силой!.. Не было письма... Надо во весь голос, чтоб аж дрожали все... А если тихо — мя-мя-мя, — так, ей-богу, лучше не надо совсем.

Александр. Когда придет Дора?

Леньчик. Когда громко и горячо, то сердце начинает биться, делаешься злой как черт, и

так бы вот сейчас и бросился... (Делает резкое движение и от боли стонет.)

Александр. Я скоро вернусь, Леньчик. Если Дора придет, скажи ей, что я просил подождать меня. (Уходит через мастерскую.)

Берл возвращается.

Берл. Ничего не надо говорить Доре. (Пауза.) Страшная жарница... а ночью на пароходе я зябнул.

Леньчик. Ты всю ночь на пароходе?

Берл. Снялись в час... И как же мне досадно, что я не был вчера на манифестации.

Леньчик. Можешь пожалеть, такой еще не было... А Дора такая молодчина, — прелесть!.. Берл, знаешь: я здорово ее люблю!

Берл. Я думаю.

Леньчик. Даже больше, чем Мануса, ей-богу...

Входит Меер с мешками.

Меер. Ну что, теперь ты уже доволен? Айда дальше?

Леньчик. Я бы хотел говорить как она.

Меер. Наелся нагаек и доволен? Ой, дети,

дети...

Леньчик. Ведь можно научиться, Берл, как ты думаешь?

Берл. Как Дора, ты никогда не будешь говорить.

Меер. На грушу. (Дает мальчику грушу.)

Входит Самсон.

Самсон. Очень больно, Леньчик?

Леньчик. Н-н-нет... только когда поворачиваться, так немножко...

Меер. Теперь уж он будет спокоен. Пока не было нагаек, ну понятно, он искал лучшего, добивался цели. А уж теперь чего еще надо?

Самсон. Перестаньте, Меер, не над чем смеяться.

Меер. Перестать?.. Ну хорошо, я перестану... Ох-ох-ох!.. Не засмеешься — разрыдаешься.

Самсон (сумрачно). Мир зажегся со всех сторон... Все заливаается пламенем... и с каждым днем все страшнее делается... (Помолчав.) Где Леа?

Леньчик. Мама (жует грушу) пошла в аптеку... вот она идет.

Леа (входит и бросается к Леньчику). Ну, Ленюшка, ну, сыночек, как тебе?

Леньчик. Отлично, мама! Совсем ничего не больно.

Леа. Я была у доктора: он вечером опять заедет... Ой, боже великий и всемогущий, смилосердись над нами.

Меер. Вот это так, Леа! В несчастье человек всегда должен к богу обратиться.

Берл. Или к кошке. Польза одна.

Леа. Всю жизнь стонешь, всю жизнь страдаешь... За что? Почему? Я не могу уже больше... Я не хочу больше.

Самсон. Зажегся мир. Со всех концов зажегся. (Ходит по комнате.) И что делать?.. Сложив руки сидеть невозможно... С места толкает тебя... Да и все равно ведь сторишь... А тушить броситься тоже страшно... Горит мир, горит...

Берл (читает газету, ударяет по ней рукой). Вот это человек!

Леа. Все переноносишь, все терпишь — голод, холод, всякое угнетение... Но когда детей отнимают, когда детей мучают...

Леньчик (жует). Ух, хорошая груша!

Леа. Возмущена моя душа, Самсон... Я чувствую: встает что-то во мне.

Самсон (в тоске). А что будет дальше... а что будет дальше?..

Берл (дочитав, в восхищении вскакивает и машет газетой). Понимаете! Бросил бомбу, весь изувечен, полиция избила его, уже раненого, до полусмерти — даже в газете признаются, что несколько ребер переломали и выбили глаз, — а назвать себя не хотел.

Леа (в тоске припадает к Ленъчику). Ой, дитя мое! О мое дитя!

Самсон. Горит, горит земля!

Берл. Так и до сих пор не знают, кто он такой... Ах, какая сила!

Меер. Есть еще одна груша, Ленъчик (показывает грушу), я вечером дам.

Ленъчик. Дайте сейчас, дядя!

Меер. А прочитай главу из псалтыря — дам.

Ленъчик. Псалтырь за груши не продается.

Самсон. Старый Коган идет. И чего это он повалился.

Меер. У него тоже дети, придавило его. А в капкане и волк воет жалобно.

Входит Коган, плотный человек, с брюхом. Белый жилет, панама.

Коган. Здравствуйте... Сидят и, уж наверно, философствуют. Бедные люди любят философствовать. Хе-хе!..

Берл. А богатые — считать барыши.

Коган (будто не слышал). Ну что же новенького у вас?

Самсон. Вот, избили мальчика нагайками.

Леа. Дай, Ленечка, я тебе подушку поправлю.

Коган. А зачем такому лезть?

Берл (читает газету). Наизусть выучить хочется... Какой изумительный человек!

Самсон. Там тысячи людей присутствовало.

Коган. Черт знает кто и присутствовал. Порядочный разве пойдет?

Меер. Ваш сын тоже был там.

Коган. И мой сын шарлатан. Я знаю, что делается? Все вверх дном теперь.

Берл. Раньше лучше было, господин Коган?

Коган. Ну вот: посмотрите на него!.. Как он спрашивает! Как он стоит?

Берл. А вы как стоите?

Самсон. Берл, уйди!

Коган. Конституция, революция, воспитание, — я знаю что? Доиграются! Жили до сих пор, и дальше бы жили. Надо терпеть.

Самсон. Вам, кажется, не очень и терпеть приходится.

Леа. Ленечка, больно?.. Лененька, ты сто-нешь?

Коган. Права, свобода... Ну это, положим, так надо. Но только не чересчур... А теперь же так хотят, что — кто только не имеет штанов, тот чтобы и был первый командир в жизни.

Самсон. Надо, чтобы в жизни каждый имел голос.

Коган. У меня четыре дома, у меня фабрика, у меня капитал, — а придет этот самый пролетариат, и социалисты все, и станут мне писать закон?

Самсон. Закон будет такой, чтобы все были сыты.

Коган. Я даю! Я жертвую! Что сердце мое велит, что совесть. И на богадельню, и на больницу, и на дешевую кухню — на все! Но забастовки эти, но все эти социалисты...

Пусть им восемьдесят казней будет, и больше ничего!

Самсон. Уже все силы подломаны у бедного человека.

Коган. Вот-вот! И вы тоже... Прямо деваться некуда... Ходишь прибитый, встревоженный, запуганный, ищешь, с кем бы слово сказать, душу отвести, а везде то же самое: все бунтуют, все поднялись.

Самсон. Да, поднялись. (Задумчиво, нарастающе.) И было в те дни, когда Моисей вырос, вышел он к братьям своим и увидел тяжкие работы их. И увидел, что египтянин бьет одного еврея из братьев его. И тогда Моисей убил египтянина и спрятал его в песке... Так было в древности, господин Коган. Так сказано в нашей Библии. А теперь тоже бьют братьев наших, и нас самих бьют, и вы хотите, чтобы мы не возмутились.

Леа. Ленюшка, больно?.. Дитя мое, тебе больно?..

Самсон. Разве не так же угнетены люди теперь, как угнетены были евреи в Египте?

Меер (обрадовавшись). Ага!.. Вот это же я и говорю! Тысячи лет живет человек на земле и

никак не может найти правды.

Самсон (напевно, как читают Библию). Что было в Египте?.. Убоявшись сильного размножения евреев, царь сказал: поработим евреев, заставим их делать кирпичи и строить крепости...

Меер (тем же напевом продолжает фразу Самсона)...и тогда они не станут угрожать трону нашему.

Самсон (воодушевляясь). И тогда они не станут угрожать трону нашему. Опасался фараон, что народ потребует справедливости, свободы, человеческого существования. И оттого сделал жизнь его горькой от тяжелой работы над глиной и кирпичами, и от всякой работы полевой, от всякой работы, к которой принуждал его с жестокостью. И стал народ малодушным, и уж некогда было ему подумать об иной жизни, о свободной жизни. И вот: не то же ли самое совершается ныне и здесь?

Меер (с живостью, обрадовавшись). То же самое совершается ныне и здесь! Ибо нет правды на земле, и правды на земле не будет. Ибо несвойственна человеку правда, как

несвойственны крылья буйволу, а ноги китам. И не взовьется к поднебесью буйвол никогда, и не побегут быстрым бегом среди полей киты никогда, и не познает человек правды до тех пор, пока...

Коган. Эти сказки про фараона хороши для детей.

Берл. Эге! Мы в писание верим, только пока на нем гривенники растут.

Самсон (все тем же тягучим напевом). И заболел фараон. И чтобы лечить его, стали убивать людей, кровью человеческой стали обмывать тело фараона. Была болезнь эта — сознание народа, который рвался уйти из рабства и помыслы свои устремлял к богу. Кровью народа склеивали распадавшийся престол фараона. И когда явился Моисей и стал готовить народ к восстанию, фараон усилил гонения и гнет. Он воспретил давать солому для делания кирпичей и требовал, чтобы народ сам ходил искать солому, а урочное число кирпичей, какое было сделано вчера и третьего дня, было бы сделано и теперь. Но не склонился Моисей. Но зажегся Великий Дух гневом великим, возмущением бурным, свя-

той ненавистью. И, алкая света и алкая правды, разорвал он цепи и повел народ к свободе.

Коган. Не могу я это слышать!.. Отец при детях говорит такие вещи!.. Дети разворачиваются, дети бесятся, делают черт знает что — и их шлют на каторгу и вешают.

Самсон. Знаете ли, что я скажу вам еще? (Торжественно.) Когда Моисей пас скот у горы Хорив, увидел он, что вот терновый куст горит огнем, но куст не сгорает. И сказал тогда Моисей: найду и посмотрю на это великое явление, отчего куст не сгорает. И оказалось: оттого куст не сгорает, что в среде куста бог.

Коган (вполоборота, рычит). Ну?!

Самсон. И теперь происходит то же самое. То же самое великое явление происходит и теперь. И теперь терновый куст горит огнем. И куст не сгорает. И в среде куста — возмущенный дух угнетенного народа.

Коган. Ах да оставьте вы все эти байки!

Самсон (вдохновенно, величественно, повысив голос). И не сгорит терновый куст, и не уйдет из среды его возмущенный дух. Не уйдет из среды его бог, не уйдет, пока гнет, насилие не будут побеждены.

Коган (задыхаясь от злобы). Ну! Ну!.. И после этого... и после таких слов вы хотите, чтобы дети наши были как следует?.. Никаких кустов нет! Я знать не хочу никаких кустов!..

Самсон (подняв руку, торжественно, как первосвященник). «И сказал он: не приближайся сюда; сними обувь твою с ног твоих, потому что место, на котором ты стоишь, земля святая».

Меер. Ваш Александр от вас таких слов не слышал, а что выходит?

Берл. Ну! Александр!..

Леа. Ленчик, Ленюшка, ты побледнел!..

Меер. Может быть, ему лучше бы на воздух?

Коган. Все умные стали, все ученые, все рассуждают. Каждый мурло, каждый мастеровой... Вот полюбуйте: газету читает! Понимает он в газете, как петух в молитвеннике.

Берл. В молитве вы сами не очень понимаете, и уж лучше вы о процентах говорите.

Коган. Молчи ты, кузнец!

Берл. Ты чего «тыкаешь»? Ты чего орешь здесь?

Ленчик. Вот здорово!

Коган (багровеет). Ах ты... ты... босявка!

Берл. Уйди отсюда, ростовщик!

Самсон. Берл, оставь!

Леа. Что с тобой, Берл?

Коган. Я же тебе покажу... Ах ты, мерзавец!.. Ты такой?.. Ты такой?..

Берл (приближаясь). Да, такой, не другой... Сейчас марш отсюда, а то... за хвост и в канаву!

Леньчик. Вот ловко, ей-богу!

Меер. Ты сбесился, Берл?

Коган (пятясь к выходу). Ах ты, подлый шарлатан такой! Ах ты, лайдак! Вот он, ваш рабочий класс!.. Вот они, ваши социалисты!.. Я ж тебе покажу!.. Ужо ты у меня увидишь... (Уходит.)

Самсон. Зачем ты это сделал, Берл?

Берл. Что я сделал?

Леа. Ты без скандалов не можешь.

Меер. Веселее ему, когда поругается.

Берл. Да ведь он ко мне пристал, ростовщик проклятый... На конфетной фабрике у него двести человек работает, подростки все, и нигде, во всем городе, так не мучают рабочих, как у него.

Леньчик. Так его, Берл, отлично. И пусть сюда не лазит.

Самсон. Он и меня раздражает, но все-таки...

Леньчик. Пусть не лазит, пусть не лазит... Дай мне газету, Берл... про того, который бомбу бросил.

Леа. Ты лучше не читай, Ленечка, ты не двигайся...

Самсон (задумчиво). Вот я и доволен, и рад всему, что делается, а в сердце у меня черно... Слишком черно у меня в сердце.

Меер. А не надо смотреть в сердце.

Самсон (в тоске). Предчувствую беды... Как дождь прольются беды, — а куда укрыться?

Меер. Укрыться нельзя, но зонтик над собой раскрыть можно: лишь бы сам я не делал зла.

Леньчик. Дырявый это зонтик, дядя! Я больше люблю ваши груши, чем ваши рассуждения.

Самсон. Все это только начало... Что будет? Что будет?..

Леа. Ты теперь больше мучишься, чем я, Самсон.

Самсон. Плохо нам, Леа. Плохо нам, Леа... Вот я говорю: как Моисей поступать надо, убить египтянина надо. И говорю: опять из среды тернового куста зовет господь... — Но надломилась моя душа. И темный дух идет за мной.

Меер. Ай-ай-ай!.. Вас послушать — земля разваливается. Повздыхал, постонал, и айда дальше!

Леньчик. Самый большой философ — это дядя Меер...

Меер. Вот от этих сморкачей все и идет.

Берл. Дядя Меер рассуждает как ростовщик Коган. Две половинки щипцов.

Меер. Э, нет!.. Вот это, видишь ли, Берл, уже неправда; в дяде Меере плачут печали, в богаче Когане хрюкает капитал.

Леа (вскакивает). Ленюшка, Ленюшка, что с тобой?

Леньчик (в обмороке, лепечет). Ннне... нехорошо...

Самсон. Откройте окно... Берл... Меер... Воды дайте...

Леа. Ой, господи... Ой, боже мой...

Суета, шум.

Берл. Надо его на воздух, под дерево.

Самсон. Постойте... пустите... я понесу его.

Леа. Ох, дети мои, ох, мои бедные дети...

Леньчик (очнувшись). Ничего... я сам пойду... я могу...

Его под руки выводят.

Не держите... я сам...

Все выходят во двор. Некоторое время сцена пуста, потом входят Александр и Дора. Слегка темнеет.

Дора. Где ж это все?.. Разбежались?..

Александр. Ну на это я не жалуясь. (Подходит к Доре и обнимает ее.) Милая!

Дора (кокетливо). В самом деле... Ты ничего не имеешь против того, что все ушли и мы одни?

Александр. Милая моя, светлая моя...

Дора (ласкаясь, смеясь). Какая я светлая! Это ты вот светлый. (Перебирая его волосы.) Волосы, лицо, голубые глаза... Ах, кажется, ничего нет на свете милее, чем далекая, медленная музыка и голубой цвет.

Александр (смеясь). Голубой?.. А я считал, что тебе всего больше по душе красный.

Дора. Нет, не красный... Это, Саша, жизнь заставляет оттолкнуть все цвета и становиться под красный. И я верна красному. Но... (мечтательно, грустно) люблю я... дремлющее озеро в вечерний час... бледное отражение звезд в нем... и тихий говор недавно родившихся листьев... и изумленную улыбку не вполне еще развернувшейся почки... Волнует меня все кроткое, все сдержанное, тонкое... Наливается душа моя печалью, сладкой печалью — и стыдливость какая-то тихо томит, несказанное умиление охватывает меня, и... я так благодарна, благодарна... И не знает сердце, кого благословлять, и все благословляет и благословляет...

Александр. Дорогая моя, радость моя чистая...

Дора. И в тебе, мой друг, я так люблю твою тихую нежность... Мне стыдно сознаться, но... я люблюсь на твои красивые руки. (Обеими руками отводит его голову и долго смотрит в его лицо.) Голубые глаза... кроткие глаза... А каким могут они пылать гневом!.. А какой отвагой могут они загораться!.. Какую бездонную жажду подвига видела я в этих глазах...

(Помолчав.) Ведь я не ошиблась в них, Александр, не ошиблась ведь?

Александр. Как я люблю тебя!..

Дора. И мы вместе, Александр!.. К победе, к несчастью вместе и рядом.

Александр. Вместе, Дора.

Дора. Как мне хорошо... Поет моя душа... И я все благословляю... я благословляю все...

Молчат. Входит Шейва.

Шейва (ворчит). Это отец? Это тоже называется отец?

Дора. О чем вы, тетя?

Шейва. Если бы он был отец как следует (нараспев), он бы положил его на скамью, спустил бы ему хорошенько штанишки и всыпал бы сзади так, что спина распухла бы, как городской дом на базарной площади.

Дора. Про кого это вы так?

Шейва. Про кого, если не про твоего отца? Мальчишку научить не может!.. Цуцик, моллюскос, блоха в кастрюльке — и тоже на манифестации... Весь нагайками исполосован, дай нам бог так здоровья, и вот теперь из горла кровь показалась.

Дора. Кровь?.. Где Ленчик?.. Где все?..

Шейва. Во дворе все, под деревом... (Что-то ищет.)

Дора. Я сейчас вернусь, Александр. (Поспешно выходит.)

Шейва. И где это тут полотенце?.. Надо бы его обтереть хорошенько, весь в крови, как овца на бойне.

Александр. Вот что-то белое — не полотенце?

Шейва. Это наволока... Когда теперь вы цари, когда теперь вы ведете жизнь!

Александр. Вы так думаете?

Шейва. А то что же?.. Все дела делаете вы. И из всех дел выходят нагайки.

Александр. И больше ничего?

Шейва. И острог. И каторга.

Александр (задумчиво, как бы про себя). Почти что правда. (Помолчав.) А ведь есть такие страны, Шейва, где не знают нагаек...

Шейва полотенце нашла, но не уходит, так как рада порассуждать.

Темнеет.

Шейва. Ого, я думаю!.. Смотри-ка, а Леа

свечей и хлебов не приготовила для благословения... Ведь вечер уже, суббота заходит... Захлопоталась... Ну ничего, я приготовлю. (Достает в сундуке чистую скатерть, накрывает ею стол. Кладет на него два больших калача и прикрывает чистой салфеткой. Около калачей ставит в ряд восемь подсвечников и в них вставляет непечатые свечи.) Нагайки?.. У меня племянник в Нью-Йорке, эмигрировал, так пишет — не жизнь, а благословение божие. Ни обысков, ни нагаек, ни Сибири нет в Нью-Йорке, спокойно, тихо, не боишься жандармов, никого...

Александр (задумчиво). Да... в Нью-Йорке поспокойнее.

Шейва. А тут ведь одно мучение!.. Каждый день ждешь обыска, ждешь, что заберут детей. Ночью глаз не сомкнешь от страха. Позвонит кто у ворот, так сейчас похолодеешь: «жандармы!»... Как будто не к колокольчику проволока прицеплена, а к сердцу твоему, и сердце рвет на куски...

Голос за окном: «Последние вечерние телеграммы!.. Очень интересные!..»

Александр. Это правда, Шейва, это правда... (Помолчав.) А хотели бы вы в Нью-Йорк уехать?

Шейва. Если бы только могла я всех забрать с собой, — эх, хоть сейчас!

Александр (задумчиво, как бы про себя). Да... там поспокойнее... Есть места, где жить поспокойнее.

За сценой шум. В дверях показываются Леа, Самсон, Берл, Дора, Меер. Впереди, еле передвигая ноги, идет Ленчик. Позади слепая, сосед без детей и еще несколько соседей — все обтрепанные, измученные, истощенные. Девочка на костылях, старый горбун, мальчик лет одиннадцати с лицом идиота, в одной рубашке. Впереди всех человек лет пятидесяти с отрубленными руками.

Ленчик (с болезненным раздражением). Я отлично могу идти сам. Не поддерживайте меня.

Леа. Ну сам, ну сам.

Сосед. Вот так и моя девочка тоже: стоять не может, а все хочет идти сама...

Нейман (входит с улицы. С гримасой пе-

чали и сострадания смотрит на Ленчика). Как же, однако, тебе перепало!

Леньчик (капризно хныча). Мне только очень хочется спать. лягу и сейчас засну... Идите себе...

Слепая. Чем дальше, тем жизнь ужаснее.

Голос мальчика на улице: «Последние вечерние телеграммы!.. Очень интересные вечерние телеграммы!.. Очень интересные вечерние телеграммы!..»

Нейман (смотря в оконце). Мальчишка телеграммы продает. Взять разве? (Выходит.)

Леа. Боже всемогущий, судья земли и всего живущего, сжался над нами!

Александр. Надо вам успокоиться. Знаете, и вы бы прилегли.

Леа. Прошел мой сон. Прошла моя жизнь.

Меер. И к чему убиваться? Завтра твой Ленчик — айда дальше! — опять по всем крышам будет лазать. Шарлатан порядочный.

Слепая. Завтра будет страшнее, чем сегодня.

Леа. Поднимается во мне что-то. Что-то встает во мне.

Сосед (Александру). Слыхали? Моя девочка

слегла... свалилась девочка... и бредит... девочка моя...

Меер. Ложишься, Ленчик? Ну на вот тебе вторую грушу.

Ленчик. Ага, это дело.

Сосед. Девочка бредит... целую ночь бредит... И жар у девочки — сильнее, чем у меня...

Самсон. Черный дух за мной. Мне кажется: мой самый страшный день пришел.

Дора. Я уложу тебя, Ленчик. Усни... (Укладывает мальчика на сундук.)

Шейва. Вот хлеб и свечи, Леа, помолись, и уходите все отсюда.

Леа подходит к столу. На дворе темно, Леа зажигает свечи, все восемь, делает над ними троекратный широкий жест, какой делают, когда плавают, но в обратном направлении извне к центру, подносит ладони к лицу, закрывает концами пальцев глаза и шепчет молитву. Все стоят молча. Кое-кто глубоко вздыхает. Ленчик, полураздетый, в окровавленной рубашке, с открытой грудью, присев, смотрит на мать.

Леа (опустив руки книзу и обратив лицо к потолку, говорит вслух, тягучим напевом, как бы продолжая и дополняя сейчас оконченную молитву). Господи всемогущий! Господи великий! За что же? За что?.. Ты казнишь. За что? Чистых сердцем, светлые души, ангелов святых, ты казнишь. За что? (Пауза.) И весь народ казнишь. За что же караешь его гневом безбрежным?.. Мало ли страдал он? Жестоко страдал он, века страдал и тысячелетия... Кострами горели дети его и камнями тонули в глубинах морей. Били их терновником, рвали их на части. Работу изнуряющую познал народ, и голод, глумление и насилие безмерное. Оскверняли могилы его, и храмы его, и твою, господи, святую тору. Резали животы беременным матерям, младенцам черепа раздробляли, и невинной кровью их обильно обагрились ноги мучителя. Все законы твои, о господи, и установления людей попирались жестоко, когда подходил к ним человек. И жалость, и правда, и мягкость человека, от скота отделяющая, все умирало и стиралось. И не среди созданий, по образцу и подобию твоему сотворенных, влачили мы цепи свои, но меж

стаями зверей разъяренных. И кровь наша лилась. И кровью нашей облилась земля. Но стоны наши к тебе не дошли, о господи, не дошли стоны к месту обитания твоего, боже! И вот дети наши поднялись, и встали дети на защиту народа. На защиту твою, о господи, на защиту святой правды твоей, на защиту великих заповедей твоих. И детей наших казнят. Услышь меня, могучий! Услышь меня, все- сильный!

Леньчик неодобрительно машет рукой, как бы говоря: «Ну, понесла уже», — и ложится.

К тебе молитва моя, и моление мое, и молитва народа всего. Смилуйся, боже, над детьми твоими, над бедными твоими детьми. Не дай отчаянию победить их души, не дай скорбям погасить их жизнь. Спаси от ожесточения свирепого, спаси от ночи безумия. Творец земли и неба! Из сердца через край бьет страдание, и смертный ужас царит. Остывшими устами говорит к тебе дочь твоя, судья земли: спаси страдальцев, спаси борцов, спаси чистых, — спаси и сохрани детей моих, их,

господи, и правду твою святую спаси...

Молчание. Потихоньку и медленно все расходятся. Около лежащего Ленчика — Леа и Самсон. Вбегает Нейман. Схватив Александра, не успевшего выйти, за руку, он влечет его в сторону.

Нейман. Сюда... иди сюда... вот телеграмма... Эта бомба... это покушение... уже узнали имя бросившего.

Александр. Кто такой?

Нейман. Это Манус.

Александр. Наш Манус?!

Нейман. Манус... наш Манус.

Александр. Господи боже мой!

Леа (у Ленчика). Спишь, Ленюшка?

Молчание.

Спишь, Ленюшка?

Мальчик не отвечает. Леа тихо и медленно отходит. Самсон склонился над спящим мальчиком.

Александр. Что будет с ними?!

Леа. Ленечка спит... Мальчик мой спит...

Пусть он спит. Пойдемте отсюда... Пусть мой мальчик спит...

Занавес медленно опускается.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Прошло два месяца.

Мастерская Самсона. Сумерки. Леа сидит, низко опустив голову, в глубоком раздумье. Здесь же слепая. Долгое молчание... Дверь с улицы медленно приоткрывается, в ней показывается Коган.

Коган. Шарлатан этот, лайдак здесь?

Леа. Кого вам надо?

Коган. Мне его не надо... Подмастерье ваш здесь?

Леа. Нету его.

Коган. Нету?.. Так я зайду. (Входит.) Ну-ну! Дела пошли. Страх над головой так и висит.

Меер (входит из комнаты). Таки плохо. Разве кто-нибудь говорит: «хорошо»?.. Но все-таки, господин Коган, я вам свое скажу: молитва и благотворительность...

Коган. Ах, оставили бы вы уже!

Меер. Разве я не знал, что вы рассердитесь?.. По-вашему выходит так: старая дверь на ржавых петлях, и всегда издает тот же самый визг.

Коган. Фабрики не работают, торговля за-

крывается, трамвай не идет... Всеобщая забастовка, начинается вооруженное восстание... Аресты, аресты, аресты... Я знаю, что это будет? (Помолчав.) С моей фабрики рабочие ушли... может, и подожгут...

Слепая. Ага, пришло-таки время, когда нищим спокойнее, чем богачам.

Коган (вполоборота, злобно). Ей чего надо?

Слепая. Мне?.. То, что мне надо, не вы мне дадите. А то, что вам надо, — не я вам дам.

Коган. Злорадствует... Напрасно: начнется резня — достанется и вам.

Слепая (совершенно равнодушно). Пусть достается.

Коган. Убьют вас.

Слепая (тем же тоном). Пусть убивают.

Меер. Не надо так говорить, ах не надо.

Слепая. Почему не надо? Я ничего не боюсь... Пусть убивают. Сразу конец.

Меер. Конец всегда слишком рано приходит.

Слепая. К сытым. Ко мне он опоздал... (Оскалив зубы, с внезапным оживлением.) Вот только бы посмотреть, как он сытых косить станет.

Коган. Я знаю, что будет завтра? Что будет с моим сыном?.. В тюрьму его бросят, убьют...

Меер. Э, все проходит, все улаживается. Вот только бы самому худого не делать... Возьмите вы меня... старый, слабый, голодный... весь я разбит, как тарелка, сброшенная с крыши. А оскорблений сколько, а издевательств, а пинков... есть ли еще в лесу столько листьев? Или букв столько в святой нашей Торе?.. А, однако, вот бросил я три копейки в сборную кружку на больничных воротах, главу псалмов Давида прочел — и душу мне словно весенний дождик обмыл.

Коган. Не полезут мне псалмы в голову... И если бы даже заморочить себе ими голову — завтра все и пройдет.

Меер. Завтра?.. А руки ваши, господин Коган, скажите мне, прошу вас, вы все-таки мое-те?

Коган. Ну так что?

Меер. Руки тоже не на всю жизнь обмываются. Надо каждый день... И то же самое с душой: каждый день нужна молитва и каждый день доброе дело.

Леа (ударяет кулаком по столу). Какая мо-

литва воскресит мне Мануса!

Меер. Ах, ты вот о чем?.. Но я, Леа, не говорю ведь...

Леа (повышая голос). Какая благотворительность вернет рассудок Самсону!

Меер (смущенно). И опять же ты не так... Тут... ты постой... тут разница...

Леа (встала. Кричит). Какое проклятие сойдет с лица земли палачей Мануса!

Меер (повесив голову). Ты хочешь правды?.. Ты хочешь справедливости?..

Коган. Плохо. Я вам говорю — очень плохо... Старые люди встревожены, а молодежь — вся бунтует.

Меер. Прямо идет война.

Леа. Это первая война, когда люди воюют за себя... помню русско-турецкую войну: сколько народу легло!.. Теперь в Маньчжурии... Зачем?.. Брата моего там убили. Племянника... За кого сложили они свои головы? За тех же насильников, которые терзают нас здесь. Что же это такое делается, я спрашиваю?!

Слепая (совершенно спокойно). А то и делается, что истребляют нас.

Леа. Самсон говорил: терновый куст, и в нем возмущенный дух народа... Правда!.. Вот и я возмущена. И встает во мне что-то. Железное что-то и огромное.

Коган (сумрачно смотрит в землю). Не говорите так... Пока вы потеряли только одного сына. Поберегите других детей.

Леа. Не уберегу. Уже невозможно уберечь. Моя семья погибла. Я вижу, я чувствую... Мануса казнили... У мужа рассудок отняли... Леньчик тает... кровь не перестает идти у него из горла. И Дора... Я вижу... я чувствую... я знаю...

Коган (подходит к Лее, слегка касается ее руки пальцами, вкрадчивым, печальным голосом). Слушайте... ведь вы женщина умная... Мы можем еще помочь... друг другу помочь...

Леа. Помочь?..

Коган. Видите ли... собственно для этого я и зашел сюда... Это дело интимное, близко касающееся нас обоих.

Меер. Я сейчас уйду.

Слепая. Поведите меня, пожалуйста, домой, Меер.

Коган. Нет-нет, оставайтесь!.. Я вас даже

прошу: Оставайтесь... Может быть, вы даже понадобитесь... Ваше содействие понадобится... (К Лее.) Слушайте, зачем мы будем скрывать и играть в прятки? Лучше прямо: мой Александр влюблен в Дору.

Леа. Это его дело.

Коган (поспешно, предупредительно). Ну да, разумеется я не вмешиваюсь... Нравится она ему — пусть... Пусть делает что хочет... Конечно, вы понимаете сами, какую партию мог бы составить мой Александр.

Меер. Мог бы взять... сорок тысяч приданого.

Коган (высокомерно). Сорок?.. А почему не сто?.. И почему не первую красавицу? И не из первого аристократического дома?..

Леа. Силой вашего Александра не тащили...

Коган (мгновенно меняет тон, почти просительно). Боже сохрани!.. Разве я это говорю?.. Я ничего не думаю и не говорю... Влюбился так влюбился. Твое дело... Пусть... В другое время — я вам откровенно скажу, — в другое время я бы таки еще поговорил с ним. Я бы еще показал, кто я. (Опять впадает в наг-

лый тон.) Я отец, я тысячи трачу, он будет мне влюбляться!.. Да, но теперь, при теперешних обстоятельствах... И пусть уж он лучше делает по-своему. Пусть женится, пусть... Но чего я от него хочу, так это чтоб он уехал.

Меер. Куда уехал?

Коган (быстро, горячо). Куда угодно! Пусть уедет, пусть сегодня же уезжает из города... Здесь готовится бог знает что. Баррикады, революция, восстание... я знаю?.. И я боюсь за Александра — он же везде первый, — я не хочу, чтобы он был здесь.

Леа. Так с ним и говорите об этом.

Коган. Я?! А какую силу имеют для него мои слова?.. Мы что-нибудь значим для наших детей?.. Когда родители тысячи на них тратят, здоровье свое отдают, кровь свою — тогда дети принимают; а когда совет, когда просьба, то дворник будет иметь больше голоса, чем отец... Э, не время теперь жаловаться!.. Я буду ему говорить до завтрашнего утра, и ничего не выйдет, а если скажет ваша Дора одно слово — он мгновенно исполнит.

Леа. Вы мне даете неудобное поручение.

Коган (с тайным страхом, с тайной надеж-

дой постепенно и горячо). Ах, боже мой! Но ведь поймите!.. Дора тоже может ехать. Ведь я согласен. Я и на это согласен. Я даже прошу об этом. Я дам деньги. Сколько хотят денег — дам. Пусть только согласятся, пусть только сейчас покинут город. (Воодушевляясь сильнее, с мольбой.) Слушайте, я прошу вас. Я всех вас прошу (оборачиваясь к Мееру и к слепой), помогите, устройте это!.. Ведь и вам же от этого будет хорошо. Ведь вы же так пострадали. Еще мало? А я дам деньги... Я для всех дам... (Почти плача.) Ведь один сын у меня! Я должен его спасти... Я хочу его спасти... Я уже имею хороший пример — вашего Мануса. Я не хочу, чтобы Александр погиб... Возьмите, сколько нужно, денег и уезжайте... всей семьей... Куда хотите — в Берлин, в Вену, в Карлсбад. Вы там успокойтесь. И вы полечите там вашего мальчика. Первые профессора... санатории... воздух... вода минеральная... И Самсон выздоровеет...

Слепая. Самсон неизлечим.

Коган (быстро, почти страстно, минутами сквозь слезы). Излечим!.. Излечим!.. Вы не знаете, какой за границей воздух!.. Там все

вылечиваются... У меня двоюродный брат еще не так болен был, нарыв в печенке был, и всё — и вылечился... Только согласитесь, только уезжайте, только устройте мне это!

Слепая. Едва ли можно это устроить.

Коган. Но почему?.. Отчего?.. Если Дора, если все вы... будете убеждать его...

Слепая. Ожидай пятницы, будет тебе горячая лепешка.

Коган. Вы говорите — война... Хорошо, пусть война... Но уже достаточно вы жертвовали для этой войны, Леа!.. Вы имеете право отдохнуть.

Леа. Мануса нет... Зачем мне отдых?

Меер. Ну положим?.. Ленчик, Дора — для них надо бы...

Коган. Ведь вы поймите. Что должно сделаться — сделается. И без ваших детей сделается. И восстание, и беспорядок, все... А вы спасете то, что остается вам от вашей семьи, себя спасете.

Леа (медленно, задумчиво). Да, это хорошо. Я бы хотела... я бы должна... спасти Ленечку... вылечить его... Да-да... я бы хотела...

Коган (с надеждой). Ну?! Так сделайте же!..

Скажите им!.. Доре, Александру... Сегодня! Пусть сегодня же сядут в поезд... Куда хотят пока, лишь бы из города... А мы тут возьмем им паспорт и все... вещи перешлем... Деньги я дам!.. Сколько угодно дам, пусть берут... И Самсона и мальчика вашего пусть сейчас же берут.

Меер. Это, знаете, Леа, план. Это счастливый план.

Леа. Из него ничего не выйдет.

Коган (со страхом, точно с высоты упал). Ой... Что вы говорите!..

Леа. Ничего не выйдет, Дора не согласится.

Коган. Не согласится?!.

Слепая (язвительно). Воздух и у нас есть, не только в Карлсбаде...

Леа. Никогда не согласится. Сколько бы мы ни советовали.

Коган. А если мы будем умолять?.. (Теряясь, близкий к отчаянию.) А если пригрозим?.. А если... я плакать буду перед ними?..

Слепая. Видали они слезы и другие.

Меер (с сожалением, вздохнув). А был бы хороший план.

Леа. Ничего не поможет.

Коган. Но ведь... Но ведь они должны же нас понять... Ну у них идеи — революции, пролетариат, восстание... Пусть, все это пусть!.. Они таки правы, они тысячу раз правы!.. Но ведь и мы же что-нибудь значим... Мы ведь тоже люди, мы ведь родители. Ведь жить невозможно!.. Каждый день ждешь несчастья, каждый час ждешь удара. День, два можно это вынести, но месяцы!.. Мы же не можем спокойно смотреть, как детей наших вешают... Они должны же это понять, должны же иметь к нам сострадание!..

Леа. Мы должны иметь сострадание к ним, господин Коган.

Слепая (язвительно). В Карлсбаде, конечно... цветочки растут.

Меер. Нет, ничего не выйдет. Коган. Ничего?!

Леа (тихо, спокойно). Я не могу остановить Дору... И сама Дора тоже остановить себя не может. Терновый куст потушить нельзя.

Коган (молча, с выражением испуга, долго смотрит на Лею. Потом переводит глаза на Меера, на слепую). Нельзя?.. И не хотите пробовать?..

Леа. Бесполезно.

Коган (после долгого молчания, совершенно убитый, медленно идет к двери). Я это знал... я знал это...

Уходит. В дверях сталкивается с входящими Берлом и Нейманом.

Берл. Опять он сюда припер?

Меер. Оставь ты его. Он тоже, как горбун, горе свое постоянно с собой носит.

Берл. И отлично, что такие скоты тоже испытывают горе.

Меер. Знаешь, Берл?.. Лучше два волка, чем один ты.

Берл. Есть люди, для которых я хотел бы быть стаей тигров.

Меер. От такого злого человека, как ты, сам ангел смерти убежал бы, испугался бы.

Берл. А я бы за ним погнался... и за шиворот бы его... и отвел бы его... Уж я знаю, куда его отвести.

Слепая. Все мы знаем, куда ангела смерти направить. Но беда, что не мы его, а он нас направляет... Леа, будьте так добры, отведите меня домой.

Леа. Идемте. (Уводит слепую.)

Меер. Ты, кажется, тогда только перестанешь злиться, когда перестанешь дышать.

Берл. И тогда не перестану. И издохший злиться буду.

Меер. Фу! (Раздраженный, уходит.)

Берл. Ишь добренький. (Нейману.) А я, знаете, рад, что умею злиться. Манус тоже злился.

Молчание.

Вот был человек!.. Как надоедали ему, как приставали, чтобы подписал прошение о помиловании — не подписал!.. Взял у палача петлю и сам на себя надел... А речь его!.. (Гордо, величественно, протянув вперед руку.) «Просьбы о помиловании не подпишу... Пойду на смерть с убеждением, что выполнил все, что приказывает мне долг, во славу рабочего люда и революции. И если бы после казни я мог встать, я удвоил бы усилия в борьбе...». Ах!..

Нейман. Когда здесь прощался с нами, он был странный... Но я не подозревал, что он на такое дело идет...

Берл. Ах, какой человек!.. Железный... И в сердце у него два океана было: океан любви и океан злости. (Задумывается.) А знаете, Нейман, я вот злюсь... и на вас здорово злюсь...

Нейман. На меня?.. За что же?..

Берл. За приятеля за вашего... За Александра... Ну чего вы с ним возитесь?

Нейман. Приятель.

Берл. Но... но ведь он слизняк.

Нейман. Ого! Не надо так говорить...

Берл (оживляясь). Вот, вот!.. Вот это меня и злит... Не видите вы его, не понимаете... Говорю вам: он как его папаша. Заплеванная душа.

Нейман. Берл! Я сильно бы рассердился на вас за эти слова, если бы... если бы не... (Замялся.)

Берл. Если бы не что?.. Говорите!

Нейман. Неприятно мне... неудобно...

Берл. Очень удобно!.. Все говорите... Что там такое?..

Нейман. Не хотел бы я этого касаться... Такая область...

Берл. Нету никакой области!.. Говорите.

Нейман. Ну... видите ли... Я ведь пони-

маю... Вы не любите Александра, потому что вы... потому что в вас...

Берл. Ну!..

Нейман. Потому что Александр близок Доре, и... и вы... ревнуете...

Берл. Конечно!.. «Ревнуете»... Я ведь так и знал... «Ревнуете»... Ну скажите еще что-нибудь в этом роде! Скажите, что я влюблен в Дору!

Нейман (смущенно). Видите, вы тянете меня за язык, а потом волнуетесь.

Берл. Конечно, волнуюсь! Когда видишь такие... допотопные взгляды... «Ревнуете, влюблен»... Что же это, вы думаете, я до такой степени уже глуп? Я не знаю себе места? Я не знаю, кто Дора? Не могу ее оценить? Конечно, может быть, в ней есть достоинства, которых я и понять не могу, но, во всяком случае, для меня Дора — вот! (Показывает рукой вверх.) Выше всего! Выше всех! Манус — герой, святой человек, бог! Но Дора еще выше... Вы вот студент, развитой, образованный, а не в состоянии понять, кто она.

Нейман. Я очень высоко ставлю Дору.

Берл (презрительно). Высоко? Вы?.. А про

влюбленность говорите... Но как же я могу! Да я недостойн мое сердце ей под ноги положить!.. Я недостойн умереть за нее!.. Кто я? Ничтожество! Мозг у меня деревянный, и я над серьезной книгой засыпаю... Сколько билась со мной, пока «Эрфуртскую программу» хоть чуточку вдолбили в голову... И характер какой... А Дора!.. Да если бы, не дай бог, она меня полюбила — ведь это же было бы несчастье! Такой ей нужен? Да я сейчас бы исчез отсюда, на край света убежал бы! Дора, Дора!.. Ведь такого человека никогда еще не было!.. Ведь кто только достоин взглянуть на нее!.. И... и... (Сквозь внезапные слезы, ударяя кулаком об стол.) И я таки не понимаю... Этот Александр... это ничтожество... Ах! (Отходит и становится лицом к стене. По вздрагиванию его плеч видно, что он плачет.)

Леньчик (входит, бледный, исхудалый). Отлично идут дела.

Нейман. Дядя Меер виноградом угостил?

Леньчик (презрительно). Шутить тут нечего.

Нейман. Я и не шучу, я серьезно.

Леньчик. Две тысячи рабочих с сахарных

заводов присоединились к забастовке. (Глухо кашляет.)

Нейман (с живостью). В самом деле?

Леньчик. Я был на митинге... Ораторов встречали восторженно... Какой-то черносотенец пробовал возразить, но его чуть не разорвали. (Кашляет.) Потом приняли резолюцию присоединиться к восстанию.

Нейман. Это превосходно. Это большая победа! С сахарных заводов рабочие всегда отставали...

Леньчик. А теперь сердитее их нет. (Кашляет.) Они говорят, что у них оружия много. (Таинственно.) Мне тоже обещали револьвер.

Нейман (вглядывается в Леньчика с печальным участием). Кашляешь ты здорово.

Леньчик. А крови зато мало. Совсем почти нет. Вообще мне гораздо лучше... Только обещали мне «смига и вессона», а я хотел бы браунинга.

Нейман. Митинг окончился?

Леньчик (кашляет). Полчаса назад. Браунинг — прелесть! Из него как саданешь...

Нейман. А как папаша сегодня?

Леньчик. По-прежнему. Мануса все ищет...

и просит, чтобы ему указали, где север... Сейчас тетя Шейва повела его к себе.

Входят Дора и Александр.

Нейман. А Ленчик рассказывает, что рабочие с сахарного завода...

Дора. Да, присоединились... Подъем в городе вообще изумительный. Просто не узнаешь людей — так они выросли, так просветлели. Железнодорожники — прямо львы.

Нейман. Вы были на их митинге?

Александр. И говорила...

Дора. И незачем было... Они все до такой степени исполнены решимости и энтузиазма, что я, право, не знаю, кто кого воодушевлял: я их или они меня.

Александр. Про рабочих с сахарных заводов этого сказать нельзя.

Ленчик. Я уйду, Дора, мне обещали револьвер. (Уходит.)

Дора. Но самое радостное — это настроение войск. Наши имели у них большой успех. Я сейчас получила новые сведения: можно рассчитывать, что Бугский полк присоединится к нам.

Александр. Я не вполне верю...

Дора. Надо верить... Надо верить, Александр!.. Во всяком случае, стрелять в народ солдаты не будут... В шесть часов у нас заседание, Нейман, в той же квартире.

Нейман. У меня есть несколько предложений.

Дора. Вы внесите их... А теперь пойдите в типографию, поможете печатать прокламацию.

Александр. Но ведь... успеем разве распространить?

Дора. Надо успеть!.. А в одиннадцать ночью всем собраться в Плоском Предместье, к раздаче оружия... Последний день, последние часы, нужна энергия, нельзя терять ни минуты.

Александр. Если теперь терять время, все может окончиться катастрофой.

Дора. Все окончится победой, блестящей победой... Берл, ваша дружина готова?

Нейман. Вы в какой дружине?

Берл. Мы захватим вокзал... Готова. Только оружия маловато.

Дора. Вот у меня квитанция. Еще два места

оружия пришло. Сейчас пойду получать.

Нейман. Дайте-ка квитанцию сюда, лучше я пойду.

Дора. Студенту нельзя, вас арестуют вместе с оружием.

Берл (угрюмо). А я на что?.. Я пойду...

Александр. Нейман может переодеться.

Дора. Да и я тоже переоденусь. Рабочий, студент или такая, как я сейчас, легко вызовут подозрения, а я так разряжусь, что за дочку губернатора примут... Рядом дамочка одна живет, актриса, обещала меня одеть.

Нейман. А все-таки лучше бы я пошел.

Дора. Нет, я лучше проделаю... Это надо тонко, спокойненько, непринужденно — следят везде страшно, — и у вас не выйдет. (Уходит. Берл за ней.)

Нейман. Что ж, идем и мы. (Берет фуражку.)

Александр сидит мрачный, не двигаясь с места.

(Подходит к нему, кладет на его плечи руку.) Ты ж чего это?

Александр (говорит не сразу). Скверно

мне.

Нейман. А, опять ты за свою дудку?

Александр. Когда ж тоска!

Нейман. И найдет время хныкать!

Александр. Скажи сам: какая я ей пара?

Нейман. Отчего ж? Пара не плохая... Во всяком случае, это она сама лучше знает.

Александр (мрачно, с расстановкой, глядя себе под ноги). Вот в том-то и дело, что она не знает! Меня она совсем не знает... и видит во мне совсем не того, что я на самом деле собой представляю.

Нейман. Дора, я полагаю, кое-что в людях смыслит.

Александр (внезапно оживляясь). Но я запутал ее!.. Я подменил ей себя!.. Ну чего там скрывать! Разве я борец? Разве я гожусь на что-нибудь крупное?.. Да ведь ничего подобного! Я человек слабый, я дряблый человек... Бороться, ходить около опасности, рисковать собой — своей свободой, жизнью — я на это совершенно не способен.

Нейман (добродушно). А только и делаешь, что рискуешь собой... Пусть у тебя сейчас обыск сделают, и ты ого-го-го где очу-

тишься!

Александр. Рискую... А чего это мне стоит?.. Вот Дора: в самых опасных делах, в самых страшных местах — и делает все спокойно, легко, просто... А когда увлечена, когда говорит на собраниях, она вся — огонь... Ты думаешь, кто завоевал сахарные заводы? Кто зажег рабочих и заставил со слезами энтузиазма вотировать забастовку?.. Она... Она!.. Она всю себя отдает, всю душу свою, все свое сердце... А я... а я всегда с оглядкой. Я в страхе.

Нейман (серьезно). Мне кажется, Александр, у тебя это просто какой-то особый род неврастения — поклепы на себя возводить... Немножко и я тебя знаю, а кое-что я от Доры слышал... Ведь, кажется, именно мужество твое и покорило ее, твоя отвага...

Александр. Да... отвага... знаю... я это знаю!.. И в этом именно и все несчастье, что отвага... Она увидела во мне человека отважного, сильного, самоотверженного... А самоотверженного человека — ну чего скрывать! — самоотверженного человека она увидела во мне... случайно... по ошибке... потому что... ну просто потому, что я обманул ее...

Нейман. Э, да это, брат, ты, кажется, зазнаешься: не тебе обмануть Дору.

Александр (с горячностью). Обманул!.. Говорю тебе: обманул! Невольно и бессознательно... И самого себя обманул... Пойми ты: при Доре дух мой возвышался, я как-то заразился от нее, становился смелым, энергичным... Потом Манус приехал. Он был такой необычайный... Что-то чувствовалось в нем высокое, огненное... От его вулкана упала искра и в мою душу, и... я тоже затлелся... А в сердце у меня в то время была мука, я считал, что Дора не любит меня, мне жизнь была не в радость, были моменты полного отчаяния, и мелькала даже мысль покончить с собой... Черт с ней, с жизнью!.. И я не рисовался, я не рисовался и не лгал, я, может быть, никогда не был таким искренним, как в ту минуту, когда говорил, что готов на все, что хочу опасности, хочу казни!.. Я был так возбужден... Это было какое-то расстройство... И я верил, что хочу казни... В ту минуту я действительно хотел ее...

Входит Самсон. Он весь седой, походка разбитая, глаза дикие. Одежда в беспо-

рядке. Он приближается к Александру и глухим однотонным голосом бормочет.

Самсон. Повесили сына, повесили... Там на севере повесили...

Нейман. Сядьте, Самсон, сядьте вот сюда.

Самсон. Где север?.. Скажите мне, где север?.. Я не знаю, где север, я не знаю, где север...

Нейман. Сидите, сидите спокойно!.. (Сажает Самсона на стул, тот покоряется и что-то неясное бормочет.)

Александр. Была такая минута — минута! — когда я казни хотел... А с тех пор... а теперь...

Нейман. Это еще не такая беда: казни никто не хочет.

Александр. Оказалось, что Дора меня любит... И, как ты говоришь, именно за отвагу любит, за мужество... Я знаю это... знаю... И теперь я все силы напрягаю, чтобы идти с ней рядом, на ее высоте... Но где ж мне! Я теперь казни не хочу. Страшнее, чем когда-либо, мне теперь казнь. Теперь я люблю, я любим, я хочу счастья с любимой женщиной. Я счастья

хочу!.. А что предстоит?

Нейман (холодно). Завтра начнется восстание... кровь будет литься, все наше дело решается... Подождем мы с нашим личным счастьем.

Александр. Видишь, вот и ты осуждаешь меня!.. Но... я не могу!.. Я, когда подумаю, что Дору, может быть, там схватят с оружием... что меня могут взять и бросить в тюрьму...

Нейман (злобно). Могут. И в тюрьмах бьют.

Александр. Господи боже мой!.. Я борюсь с собой, терзаю себя, за волосы из собственной кожи себя тащу, чтобы удержаться на высоте Доры... и... и я не могу... Лгу, прикидываюсь, замалчиваю, притворяюсь.... И я в постоянном страхе, в постоянном напряжении... И только оттого, что Дора поглощена своим делом, она до сих пор не подозревает, кто перед ней... (Вдруг умолкает, напряженно смотрит вперед и точно обдумывает что-то или припоминает.) А... а может быть, и подозревает?..

Нейман. Если все, что ты тут говоришь, — правда, то Берл проницательнее нас всех оказался.

Александр. Что такое?.. При чем тут Берл?

Входит Дора, пышно разодетая.

Дора. Видите, какая я? Никогда они не заподозрят, что в моих корзинах оружие.

Нейман. Да, вид у вас... совсем не революционерки.

Дора (смеется). Княжна?.. Александр, нравлюсь я тебе такой? (Кокетливо изгибается.)

Нейман. По-моему, вы на оперную примадонну похожи.

Входит Берл и молча останавливается в дверях.

Дора. Ну, отправляюсь... До свидания... И не тревожьтесь. Через час буду назад. (Идет, у двери, останавливается.) А завтра... Ах, завтра!.. (Смотрит вверх, широко раскрыв глаза.) Какой день!.. Какое счастье!.. Александр, ты что скажешь?.. (Смотрит на него пристальным, испытующим взглядом, в котором видна тайная тревога и печаль.)

Александр. Мне кажется... все будет зависеть... от... от силы энтузиазма...

Дора. Мы победим! Я знаю это, я чувствую... И меня охватывает такой восторг, та-

кая заливает меня бурная радость, что хочется... петь и безумствовать... Но нужно сдерживать себя. Необходимо в совершенстве владеть собой — каждым жестом своим, каждой мыслью... Вот так вот, крепко, надо взять в руки и стиснуть — молчи, сердце! Потом, после получишь волю!

Нейман. Полную волю!..

Дора. Ах, что за ликование идет!.. И если бы даже пришлось мне завтра погибнуть, — какое счастье. Александр, пасть на баррикаде, под красным знаменем, при грохоте товарищеских выстрелов и с криком мщения... Александр, с криком мщения!..

Александр. Дора!

Дора. Иду. До свидания... Ступайте же, Нейман, в типографию. (Идет к двери.)

Берл (угрюмо). Я пойду за вами... Может, арестуют вас, так я... дам знать товарищам.

Дора (смотрит на него). А это, пожалуй, не мешает... Но нужно осторожненько, Берл, чтобы не заметили. (Уходит, Берл за ней.)

Александр (после долгого молчания выходит на авансцену). Как она смотрела на меня... Какое выражение... Уже подозревает...

Уже она догадывается...

Нейман. Догадывается, догадывается... Можешь быть спокоен.

Александр (стоит потупившись, с выражением тоски и рассеянности). «Счастье погибнуть... — сказала она, — пасть на баррикаде... с криком мщения»...

Самсон (подходит и, уставившись на Александра, таинственно бормочет). На севере повесили, на севере... Север там... Я уже знаю, где север... Ветер идет с севера... Вы чувствуете ветер с севера?.. (С выражением блаженства.) Вы чувствуете ветер с севера?.. Вы чувствуете ветер с севера?..

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Обширный двор. Грязный трехэтажный дом в виде буквы П с деревянными галереями. В нем множество маленьких квартир. Прямо — ворота. Посреди двора старая, большая, разбитая акация, много ветвей засохших. От нее к одному из столбцов галереи через весь двор идет веревка, на которой сушится белье — рубахи, несколько пар чулок, красная вылинявшая юбка с огромной яркой заплатой. У дерева темная лужа. Здесь же кучи камня и бревна, приготовленные для ремонта дома. Полдень. Жильцы высыпали из квартир. Бродят по галереям, по двору. Всё беднота, исхудалые, больные, многие в лохмотьях и босые.словно где-то отбирали людей, всех здоровых и цветущих оставили на месте, а сюда прислали брак... Седой горбун, взрослый мальчик-идиот в одной рубахе, девушка на костылях, дети, женщины, старики. Многие держат детей на руках или ведут их за руки — по двое, по трое. На всех лицах тоска и страх. Люди бродят как тени, останавливают-

ся, шепчут, внезапно замирают, под влиянием страха вскрикивают, садятся, встают опять, опять ходят... Иногда плачут дети, их унимают — лаской или пинками. Порою доносится отдаленный глухой шум или залп, и тогда все в ужасе ахают, сбиваются в кучу или, напротив, в тупом страхе рассыпаются по сторонам, бегут по галерее. Слепая, стуча палкой, пробирается вдоль куч камня, держась за них рукой. Сосед сидит на бревнах. Он крайне истощен, голос сиплый, глаза огромные. Он задыхается, с усилием глотает воздух через широко раскрытый рот. Такой человек больше двух-трех дней не проживет. Самсон — рядом с ними. Часто вскидывает на них свои безумные глаза, что-то бормочет или смеется тихим смехом помешанного. Меер сидит на земле и сортирует две кучи костей. Шейва, пробираясь к нему, кричит.

Шейва. Брось кости!

Меер. Тебе мешает?

Шейва. Ты с ума сошел?.. Вот это у тебя в голове?..

Меер (сконфуженно бормочет и приподнимается). Я злого не делаю... В голове у меня страдание... и в сердце страдание...

Слепая. А конец не приходит... Все не приходит конец.

Сосед. Страшен конец.

Слепая. Кто говорит — весел!

Сосед. Начало было страшно. Середина была страшна. Конец страшен.

Шейва. И что это будет, господи всемогущий!

Слышен далекий залп.

Слепая. Сильно стреляют.

Меер. Прольются реки крови... А к чему?... Они сильны, они страшно сильны... У них ружья, у них сабли, у них пушки... у них всё.

Слепая. У них пушки, у нас правда...

Меер. Пушки расстреливают правду.

Сосед. Если расстреливают правду, то надо, чтобы умерла земля.

Слепая. Это давно нужно бы.

Меер. Прольются реки крови... лучшей крови... святой крови...

Шейва. Восемь баррикад выстроили, и, го-

воят, пять из них войска уже разрушили.

Леа (с гневной силой). Шестнадцать новых выстроят!

Слепая. Слепая я... Слепая...

Меер. Шестнадцать выстроят, и тридцать две выстроят, а к чему приведет это?

Слепая. Будем отомщены.

Леньчик (показывается в воротах. Кричит, размахивая руками над головой). На углу баррикаду строят!.. Народ нужен!.. Идите помогать, живо!..

Во дворе оживление, возгласы: «У нас на углу?» «Ага!» «Я иду»... «Скорее, скорее»... «Идите все». Несколько человек убегают на улицу за Леньчиком.

Сосед. Я замученный человек... я замученный... Вот я один... «Не целуй детей, — говорил доктор, — заразишь»... А в детях болезни больше было, чем во мне... И вот я один... и умираю... Что это?.. (Долго гулко кашляет.)

Леа. За всех будет месть!

Сосед. Этого я уж вовсе не ожидал: чтобы я пережил моих детей!.. Чтобы мне довелось еще видеть последнюю судорогу моего Яшеньки!.. За что мне еще и это?..

Самсон (смотрит на него и смеется). С севера...

Слепая. Помните, сосед, я говорила вам, что вы еще поживете? Помните, я говорила вам, что о детях ваших позаботится кто-то?.. Вот вы и живете еще... А о детях ваших позаботились — в могилу их свалили...

Самсон (трогает слепую за руку и смеется). Это с севера. Вы слышали ветер с севера...

Слепая. К нам жизнь ласкова. О нас жизнь заботится. До тех пор она не покинет нас, пока не выпьем мы весь ужас ее. И всем нам она дает время, пока не погибнут наши Яшеньки, наше лучшее, самое дорогое наше... Умерли уже дети, сосед?.. Умерла уже ваша девочка?.. Видели вы предсмертную судорогу Яшеньки вашего?.. Ничего больше не осталось ценного у вас, сосед?.. Значит, готовьтесь: жизнь от вас уйдет.

Шейва. Ой, уйдет... Ой, она уйдет...

Сосед. Я не понимаю. Я учился когда-то... И все говорят — это написано: человек создан по образу и подобию бога... Неужели и у бога такой изувеченный образ?

Меер. Вот здесь вот и весь секрет!.. Вот тут

вот и ошибка вся!.. И отсюда именно и выходят все несчастья...

Слепая. Откуда?

Меер (убежденно, горячо, обрадованный, что может высказаться). Оттуда, что человек вовсе не создан по образу и подобию бога. Человек — инструмент испорченный... Когда задумал создавать человека, бог действительно намеревался сотворить его прекрасным... чистым и совершенным, по своему подобию... Но когда его создавал, подкрался сзади Лэц, дух зла, и господу толкнул в локоть. Человек и вышел испорченным, навсегда испорченным. (Нараспев, точно читает Библию.) Колесница, у которой одно из колес, хоть и снабженное всеми спицами, лишено обода, — может ли плавно передвигаться?.. Дом, в котором ни дверей нет, ни крыши, — удобным ли будет убежищем?.. И даст ли здоровый плод смоковница, с которой снята кора?.. И родит ли чистый звук свирель, забитая паклей?..

Шейва. Стреляют!.. И все сильнее...

Меер. И кто же может исправить то, что не довершил или что неудачно сотворил господь?.. (Строго.) Я спрашиваю вас — кто? В

темном дерзновении люди берутся за это. Но не видят, что тщетны труды... Сотни лет и тысячи лет бьется человек, хлопочет, ищет, разрушает и строит, и разрушает опять, и вновь создает, — а что выходит?.. Законы пишет и правила, религии выдумывает и заповеди, — а что выходит?.. Разве легче теперь жизнь человека, чем была она семь веков назад? Разве дольше живет человек, чем жил прадед его деда? И меньше ли стало болезней?.. И реже ли сделался голод?.. И войны не ужаснее ль прежних?.. Не острее ли стала чувствительность?.. Все та же боль и та же мука. И скорби так же черны, и насилие, как в былые времена, жестоко... В другое одето оно платье и иным разит нас мечом, но кровь всегда красна — каким бы орудием ни выпустить ее. И я спрашиваю вас: кто исправит то, что неудачно создано богом? Я спрашиваю — кто?

Сосед. Мне холодно... Так холодно!..

Меер (торжественно, точно вещает). Все-сильного ошибку исправить не нам. Но сам он пришлет своего посла — Мессию пришлет!.. И уже тот сделает что нужно!.. Он оденет корою смоковницу, он привесит в доме

все двери и над домом возведет прочную кровлю. Он прочистит свирели для ясного звука и нас переродит. Он украсит нас образом бога и дарует нам вечную правду.

Леа. Меер, уходите!.. Я не могу вас слушать... Злоба кипит во мне, и я хочу кричать вам, что вы презренный человек.

Меер. Я зла не делаю.

Леа. Но я скажу вам только, что вы несчастный человек... Я понимаю вас!.. Вам хуже, чем всем, вам больнее, чем всем, вы несчастнее меня...

Меер. Никогда я вам этого не говорил...

Леа. В душе вашей сгустилось отчаяние, и душа ваша слаба. Она не выдерживает напора отчаяния, как наполненная до краев бочка не выдерживает, когда вода в ней обращается в лед.

Меер (в страхе отмахивается руками). Не говорите мне этого, Леа!..

Леа (наступает на него). Вы боитесь. Вы в ужасе. Вас он пугает (показывает на соседа). Вас пугает Самсон. Она пугает вас (показывает на слепую). И все они... и все, что делается... и все, что делалось... И вы боитесь ужаса

своего, забиваетесь в щель меж двух камней и оттуда кричите, что не делаете зла. Что вам не страшно, кричите вы... Не надо, Меер!.. Не нужно этого... Выходите из щели вашей!..

Слепая. О, если бы мне глаза!..

Леа (кричит). Никто не видал, как бог создавал человека. Но все мы видим, как мучители создают жизнь. И их должны мы толкнуть в локоть... Мы должны связать их и опрокинуть, обессилить их и уничтожить!.. За что она слепа?.. За что он умирает?.. За что повесили Мануса?.. Отняли рассудок у Самсона?.. Мы дышим скорбью, — за что?.. Мы питаемся мукой, — за что? Только от смерти видим мы сострадание, — за что? Горы выросли мучений, и солнца из-за них не видно. За что?.. Дела теперь нужны огромные, отсюда и до облаков. Терновый куст нужен нам!.. Океаны мук создает терновый куст и в них утопит мучителей народа!..

Слепая. Глаза... где глаза?!..

Леа (вдохновенно). Освободимся от страха перед нашим ужасом... Смело смотрите в ужас вашего сердца!.. Выньте этот ужас! Выведем его наружу, поставим его перед собой и

ежечасно, ежеминутно будем смотреть на него и любоваться им, как на лучшее наше дитя... Облечемся в него, как в венчальные платья, и да не посмеем мы снять его ни после заката солнца, ни по восходе его!.. Пусть жжет он нас, пусть раскаляет душу нам и безумием отвага ведет к свободе!.. И, пока не добьемся своего, пока под ноги себе не бросим насилия, пока не станем из него резать мясо полосами, — не расстанемся с ужасом нашего сердца, и не отойдем от него ни на локоть...

Сосед (в возбуждении встает). Леа... я... я не умираю... я буду жить...

Меер (лепечет). Что можем мы?.. Но что мы можем?..

Леа (в иступлении, пламенно). Нет, того железа, которого не победила бы солома!.. И железо сдавившего нас гнета в прах обратят прутья тернового куста.

Залп за залпом. Крики.

Вон, слышите!.. Детей наших расстреливают... На эшафот ведут... И нас самих толпами гонят в могилу... Чего ж бояться вам?! Вы все

перестрадали! Чего ж терять вам?! Вы все потеряли! Наденьте, наденьте на себя ужас вашего сердца... Как драгоценными камнями, украсьте себя кровью убитых детей ваших, и бейте черепом об железо!

Меер (плачет). Леа... вы сами... вы сказали сами, что я несчастнее всех... Зачем же мучите?.. Зачем говорите мне еще все это?..

Слепая (стучит палкой). Затем, что вы пагубный человек, Меер! Пагубный! Уходите отсюда!.. Совсем уходите!.. И не смейте никогда рассуждать!

Меер. Я уйду... уйду...

Леа. Ступайте. У вас нечего сказать людям!

Надвигается рокот, гул. Толпа подростков, в которой гимназистки, студенты, два босоногих мальчика и люди хорошо одетые, врывается в ворота. Впереди Ленчик. Кричат: «Материалы для баррикады... Нужны материалы для баррикады... Вооружайтесь все!.. чем можете. Идите на баррикаду...»

Ленчик. В сарай, товарищи!.. Там есть повозки!.. Можно взять повозки...

*Толпа бежит в сарай и оттуда выка-
тывает возы и тачку. Тащат их в во-
рота. Леньчик впереди, распахивает во-
рота. Кто-то катит огромную бочку.*

Леа. Вот... и это!., берите!.. Вот!.. (Бросает на возы доски, скамью, длинную лестницу.) Топор!.. Вот топор. (Толкает плечами воз и скрывается вместе со всеми на улицу. Оттуда доносятся ее крики.) Идите, помогите, идите же все помогать!..

Шейва. Шумит, кричит... Все это лишнее... дай нам бог так здоровья!..

Сосед. Вы тут лишняя!..

Шейва. А если она и будет кричать, то стрелять перестанут?.. И так не знаешь, куда деваться...

Сосед. Все ближе выстрелы... Смотрите, Берл опять вышел!..

Из квартиры выходит Берл. Смертельно бледен. На голове повязка.

Шейва (бросается к нему.) Зачем ты встал?.. Лежи уж... И доктор велел...

Берл. Ничего... Я хочу попробовать...

Шейва. Что там пробовать... Уже казаки

попробовали, хорошо уже попробовали тебя...

Берл. Мне на воздухе лучше... В комнате душно...

Сосед. А болит крепко?

Берл. Теперь меньше... как будто...

Шейва. Крови — я знаю? — если бы это воды столько натекло, то, кажется, сто штук белья можно бы перестирать... И если бы на три пальца выше — прямо в висок прошла бы пуля, дай нам бог так здоровья!.. А когда в висок, то, говорят, это смерть.

Коган (врывается с воплем). Мой сын!.. Мой Александр! Кто видел Александра?.. Где мой сын?!..

Шейва. Ваш сын, должно быть, там, где и все. На баррикаде ваш сын.

Коган (мечется). Вот что натворили... Стреляют... Война... Кровь... Пушки выставили!.. Сын мой, мое дитя, единственное дитя мое!.. (Кричит, схватываясь за голову.) Я не перенесу этого, я в воду брошусь...

Берл. Не скажет вода «спасибо».

Коган. Нету сына, погиб мой сын... погиб!.. (С плачем убегает.)

Шейва. Сегодня он похож на человека.

Слепая. Как было дело с вами, расскажите вы.

Берл. Взяли нашу баррикаду... Мы рассеялись, на лесном складе укрылись... Я на берегу обернулся, дать еще один выстрел... А тут казак в меня выстрелил...

Шейва. Но Дору ты таки видел? Ты не обманываешь? Она не ранена?..

Берл. Нет-нет, не ранена... Она же меня и на извозчика усаживала. И кровь на лице вытирала мне... вот так вот... руками... за лицо меня... Дора... руками... своими руками... (Шатается.)

Шейва. Ой, что с тобой!

Берл (стонет). Так... ничего... я сяду... (Садится на бревна.)

Слышен нарастающий топот коней. По улице быстро проносятся казаки. Среди толпящихся во дворе людей паника. Слышны вскрикиванья ужаса, плач. Все быстро разбегаются. Остается только Берл, слепая, сосед и Самсон.

Сосед. А что мне такое, если и казаки?

Берл. Это они к новым баррикадам помча-

лись. Тут близко от нас... около моста... А если бы не Дора, нашу баррикаду на два часа раньше взяли бы.

Александр (вбегает). Что слышно? Здесь Доры нет?..

Шейва (выходит из квартиры). Вы с баррикады?.. Вы, может быть, видели Дору?..

Александр. Видел... недавно... Но теперь не знаю... Баррикада была взята... и я Дору потерял из виду...

Берл (подходит к Александру). Вы потеряли Дору из виду?

Александр. Бросились бежать... в разные стороны... спутались. Я потерял ее...

Слепая. Но вы разве ранены?..

Александр. Направлялись сюда... Нас рассеяли... Мы бросились к мосту... А Дору... я не видел... Я думал — не здесь ли она.

Слышен грохот, треск.

Берл. Ломают решетку моста, баррикаду строят.

Александр. Да-да, так по плану условлено.

Слепая. Вы бы пошли лечь, Берл.

Александр. Пойдемте, я вам сделаю дру-

гую перевязку, у меня при себе бинты.

Берл. Вы?.. Не хочу!.. (Отходит.)

Александр. Это необходимо. У вас может сделаться заражение крови... Вы падаете!..

Берл (слепой, чуть слышно). Поддержите меня... поведите в квартиру.

Слепая. Не надо бы вам вставать... Ну идите. (Ведет его в дом.)

Берл (ослабел, говорит с трудом, на лице выражение блаженства). Вот так вот... своими руками... Кровь мне вытирала... Взяла за лицо... Дора и вытирала... (Уходит.)

Меер (свешивается с галереи). Ушла Леа?... Где Леа?.. Ой, господи, господи!..

Сосед. Пойду и я... пойду лягу. (Уходит.)

Вбегает Нейман, взволнованный, растрепанный, с ним двое рабочих.

Нейман. Скорее, скорее...

Александр (бросается к нему). Что такое?... Где Дора?.. Где она?..

Нейман. Там она... на мосту... Новую баррикаду строим... Понимаешь, такая досада!.. Мне поручили, на мне это лежало... а я не успел...

Александр. Что такое?...

Нейман. В суматохе... в суматохе... совсем позабыл... Револьверы тут, целый бочонок под лестницей спрятан, раздать надо было, а я запутался... забыл... не успел...

Меер (с галереи). Под лестницей?

Нейман. Да, под лестницей... скорее принесите...

Меер. Я видел... я знаю... (Скрывается.)

Нейман. Такой недостаток оружия, а... черт меня знает!.. Возмутительно!..

Александр. И чем только окончится этот ужасный день?..

Первый рабочий. Раздобыться бы тут какими-нибудь ножами, что ли!

Второй рабочий. Хотя бы дубины какие-нибудь...

Нейман схватывается за нижнюю часть груди и стонет.

Александр. А рабочие с сахарных заводов так и не присоединились... Ужасный удар...

Нейман (на лице выражение острой физической боли). И без них... ой... (Стонет.) Сделаем... и без них...

Александр. А войско!.. Говорили — не будет стрелять...

Меер (прибегает с бочонком). Этот?

Нейман. Он, он... Разбирайте, товарищи, живей и пойдём...

Александр. Только что казаки тут промчались, не встретиться бы вам.

Первый рабочий (сует за пазуху револьверы). Встретим — палить станем.

Нейман. Да, а Берл? Как его рана?

Александр. Не знаю... Должно быть, не опасно, он сейчас был здесь.

Нейман (спиной прислонился к камням, стонет). Меер... дайте... принесите, пожалуйста, воды...

Александр. Ты не ранен?.. Что с тобой?

Нейман. Не ранен, но... скатился... с баррикады... и на меня что-то навалилось... на грудь... телега, кажется... Больно нестерпимо. (Стонет.)

Второй рабочий. На вас лица нет, товарищ!

Первый рабочий. Знаете, вы бы тут чуточку передохнули.

Нейман. Я вот... я воды выпью... пройдет...

Александр. Какие ужасы, какие ужасы!

Нейман. Момент грозный.

Рабочие уходят.

Я сейчас, товарищи... я только воды...

Александр. Если бы ты знал... Если бы только ты мог это понять...

Нейман. Что такое?

Александр. Такая мука!.. Так тяжело мне...

Нейман. Кому легко...

Меер приближается.

Дайте, дайте воды...

Меер (подает воду). Вот... Больше ничего не нужно?.. Так я побегу к Берлу. (Уходит.)

Александр. Ведь смерть!.. Ведь уже не об аресте речь, не о тюрьме, не о каторге — смерть ведь!..

Нейман. Да, и смерть.

Александр (вскрикивает). Но я не хочу умирать!.. За что?.. За что?.. Я молод, я только начинаю жить... Я хочу жить...

Слышны грохот, выстрелы.

Нейман. Наши мост ломают. (Быстро идет.)

Александр (идет за ним. Страстно, но в то же время плаксиво). Но ведь жизнь одна... Почему должен я ее отдать? Почему обязан я умереть?!..

Нейман (останавливается и оглядывает товарища). Э-эх, Александр!.. (Идет, Александр за ним.)

Александр. Вот ты идешь... и Дора там... и я должен...

Близкий залп, крики, стоны, отдельные выстрелы.

(Останавливается, как пораженный молнией, и вскрикивает.) Я не могу!.. (У него делается дикий вид, глаза вытаращены. Он схватывает Неймана за руку.) Я не могу!

Нейман (нетерпеливо, гневно). Пусти!.. (Освобождает свою руку.) Да пусти же. (Направляется к воротам.)

Калитка отворяется. Несколько человек вносят Дору. На плече ее кровь.

Александр (бросается к Доре). Ранена?! Дора, Дора!..

Нейман. Где ранена?.. В каком месте?..

Дору несут на середину двора, из квартир начинают высыпать жильцы.

Дора (слабым голосом). Погодите... посадите меня здесь...

Ее опускают на бревна.

Ты здесь, Александр?.. Я ранена... в плечо... Это не опасно... Но отчего ты здесь?..

Александр (с воплем, мечется). Может быть, можно найти доктора!.. Может быть, можно... Господи, что же это?..

Дора. На баррикаде ты был... ты возле нас был... Но отчего же ты здесь?..

Берл (подбегая). Ранена?.. Убита?.. Жива?..

Нейман. За углом живет доктор, побегите кто-нибудь...

Александр. Боже мой, боже мой!..

Нейман. Дайте, я посмотрю рану...

Дора. Погодите... минутку погодите... Я только в плечо, только в плечо... (В полуобморочном состоянии.) А вы знаете, где плечо?.. Кто видел плечо?.. Плечо в пучине... в водовороте плечо... И Александр там... в пучине...

Нейман. Попробуем понесем ее в дом...

Дора. А?.. Нет, не нужно.

Выстрелы, крики.

Александр, иди!.. Вот, возьми... (Дает ему револьвер.) И до конца... Этим револьвером... моим... до конца...

Александр (сдерживая слезы, берет револьвер). Это не опасно?.. Твоя рана не опасна?..

Дора. Поцелуй меня... Так... И иди!.. Хочу видеть, как ты уйдешь...

Александр. Дора!.. Я не могу... Я не могу уйти от тебя...

Дора. Уйди от меня... Вместе со всеми... Рядом со всеми... Иди...

Александр уходит и в ворота останавливается.

Он сказал: в пучину... Он тогда сказал: в глубь водоворота... Как Манус... Правду он сказал?..

Берл (склонившись над ней). Правду, правду!.. Правду, Дора!..

Дора. Правду?.. Это кто говорит?.. Это вы, Берл?.. Правду?.. Да, конечно, правду... Он славный... он бесстрашный... он как Манус...

Любимый мой... (Приподнимается и ищет глазами.) Ушел?.. Он ушел?..

Берл. Ушел, Дора, он ушел... Он бесстрашный... Он как Манус...

Дора. Хорошо. (Таинственно шепчет.) А другая рана здесь, Берл... (Показывает на грудь.) Это конец... Где же все?.. Где мама?..

Нейман. Берл, пойдем, поможете мне принести кушетку, уложим на нее Дору.

Берл. Другие помогут... Я — на баррикаду. (Уходит в ворота.)

Соседи все гуще собираются около Доры.

Дора. Но почему Александр был здесь?.. Он боится?.. А про пучину — значит, неправда?.. Он уже ушел?..

Нейман. Он ушел, он на баррикаде.

Дора. Он не пойдет туда... Он не пойдет... Я знаю... (Вдруг вытягивается, вся судорожно трепещет и затихает.)

Самсон протискивается через толпу к дочери и тихо смеется.

Самсон. Вы слышите ветер с севера?.. Вы слышите ветер с севера?..

Леа стремительно бежит с улицы, за нею Леньчик.

Леа. Где?!.. Где она??.. Где?!.. (Подбегает к Доре.) Уже?.. Кончено?!.. Все кончено?!.. Я знала... (Падает на труп Доры и затихает.)

Все вокруг молчат.

(Оторвавшись от тела дочери, выпрямляется, и с лицом безумной, потрясая над головой кулаками, кричит в неистовстве, В звуках ее голоса ярость раненого барса и пламенная сила пророка, ведущего народ.) Вот ваш завтрашний день!.. Вот что ждет вас всех!.. Украсьте же себя кровью убитых детей наших! Украсьте себя смертью их, — и замучим мучителя!

Топот. Во двор врывается отряд солдат. Впереди молодой офицер. Народ в ужасе разбегается. Человек с отрубленными руками на бегу упал и не поднялся. У тела Доры остаются Самсон, Леа и Леньчик.

А, пришли!.. Сюда пришли!.. Дитя мое!.. Давай револьвер мне! (Вырывает из рук Леньчика револьвер и направляет его на солдат.)

Офицер. Прочь отсюда!.. (Шашкой выбивает у Леи револьвер.) Штыками их!.. Всех!..

Солдаты со штыками наперевес бросаются на Ленчика и Лею. На улице выстрелы, крики.

Самсон (выступая вперед, к солдатам, лепечет). Это с севера... Это с севера... Вы слышите ветер с севера?..

Занавес

ПРИМЕЧАНИЯ

Историко-литературному комментарию к публикуемым пьесам предпосланы краткие биографические справки об авторах. Все упоминаемые произведения датируются по времени их первого издания. В том случае, если между написанием и опубликованием пьесы прошло более года, сообщаются обе даты. В скобках указываются варианты заглавий.

При ссылках на цитируемые источники в комментариях приняты следующие сокращения: ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства (Москва); ЦГИАЛ — Центральный государственный исторический архив в Ленинграде; ИМЛИ — Институт мировой литературы имени А. М. Горького при Академии наук СССР, Архив А. М. Горького (Москва); ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР, Отдел рукописей (Ленинград); ОРБЛ — Всесоюзная государственная библиотека имени В. И. Ленина, Отдел рукописей (Москва); ЦТБ — Центральная государственная

ная театральная библиотека имени А. В. Луначарского, Отдел рукописей (Ленинград).

Д. АЙЗМАН

Давид Яковлевич Айзман родился 14 марта 1869 г. в Николаеве, Херсонской губернии. Отец его, торговец по роду занятия, был любителем и хорошим знатоком книг, автором нескольких статей в еврейских газетах. В доме часто говорили о Бокле, Бюхнере, цитировали Писарева. Пробуждению интереса Д. Айзмана к литературе и искусству способствовал его старший брат, который владел в городе книжной лавкой с читальней при ней и одно время редактировал местную либеральную газету «Южанин».

После окончания в 1886 г. николаевского реального училища Д. Айзман уехал в Одессу, где в 1890 г. поступил на живописное отделение рисовальной школы. Первые заметки Айзмана появились в «Южанине». В 1889 г. под псевдонимом Кулик в «Одесском вестнике» печатаются его фельетоны «По родным болотам» и «Очерки провинциальной жизни». В 1896 г., удостоенный за успехи в рисовании бронзовой медали, Айзман отправился

в Париж, чтобы продолжить занятия живописью в Школе изящных искусств. Все усиливавшаяся тяга к литературному творчеству изменила его планы. Вместе с женой, практикующим врачом, в 1898 г. он поселился в глухой французской деревушке в Шампани. Законченный здесь первый очерк «Нежножечко в сторону» был напечатан в майской книжке «Русского богатства» за 1901 год. Первый сборник рассказов Айзмана «Черные дни» вышел в издании «Русского богатства» в 1904 году.

В том же году писатель вернулся на родину. Осенью 1904 г. он послал из Одессы Горькому рассказ «Ледоход». «Я счастлив у Вас поучиться! — писал Айзман. — Ваши замечания так метки, так тонки, что это прямо радость — выслушать их». Одобренный Горьким «Ледоход» вошел в пятый сборник «Знания» (1905). Позже в знаниевском сборнике была напечатана и повесть Д. Айзмана «Кровавый разлив» (1908).

Организованные черносотенцами на юге России еврейские погромы заставили Айзмана в конце 1905 г. вновь уехать за границу —

во Францию и Италию, где он оставался, исключая непродолжительную поездку по литературным делам в 1908 г. в Петербург, до сентября 1909 года.

После «Тернового куста» (1907) — лучшей пьесы Д. Айзмана — им были написаны драмы и комедии: «Светлый бог» (1908, 1914), «Жены» (1909), «Дела семейные» (1910), «Правда небесная» (1912), «Пастухи» («Искатели», 1915), «Летний роман» («Роль женщины», 1916), «Латинский квартал» (1916), «Консул Гранат» («Консул Цыпкес», 1918, 1923). В последние годы жизни писатель работал над комедиями «Юка» и «Алые вишни». Известны также две одноактные юморески Айзмана: «Дают уроки» (1913) и «Чудо жена» (1917).

«Рассказы» Д. Айзмана в двух томах изда ны «Знанием» в 1906–1910 гг. Собрание сочинений Айзмана в восьми томах вышло в 1911–1919 годах.

Умер Д. Айзман в Детском Селе (ныне г. Пушкин) 26 сентября 1922 года.

«Терновый куст» впервые издан И. П. Ладыжниковым в Берлине в 1907 г. В России долгое время остававшаяся под цензурным

запретом, пьеса переиздана в Петрограде в 1920 г. Госиздатом.

«Терновый куст» написан Д. Айзманом в Париже в 1906 г. и в ноябре 1906 г. с большим успехом прочитан русской колонии в Париже (см.: «Театр и искусство», 1906, № 49, стр. 769–770). Рукопись «Тернового куста» автор отослал Горькому на Капри. Около 16 ноября 1906 г. Горький известил И. П. Ладыжникова: «Айзман написал превосходную пьесу из быта евреев-революционеров. Работа — яркая, движения — сколько угодно, четвертый акт — вооруженное восстание, так что в смысле сценичности — поскольку я понимаю — все в порядке! Характеры чудесные, вообще, это большая вещь, с высоким подъемом. Я написал ему, чтоб он послал Вам рукопись. Вы убедитесь сами, какая это вещь [...] Айзман — со склонностью к с.-д. и, кажется, даже убежденный с.-д. — имейте это в виду» (Архив А. М. Горького, т. VII, М., Гослитиздат, 1959, стр. 147). «Когда я писал мою пьесу, — писал Д. Айзман 12 декабря 1906 г. М. Горькому, — я чувствовал, что зажег меня Максим Горький, без него «Терновый куст»

либо не был бы написан вовсе, либо вышел бы значительно слабее (М. Горький, Материалы и исследования, т. 2, М.-Л., АН СССР, 1936, стр. 328). В январе 1907 г. И. Ладыжников закончил печатание тиража «Тернового куста». Книга вышла с посвящением Максиму Горькому. Необходимость скорейшего печатания пьесы помешала И. П. Ладыжникову списаться с автором относительно окончательной редакции посвящения.

М. Горький позаботился, чтобы революционная пьеса стала широко известна за границей. Он просил И. П. Ладыжникова принять участие в переговорах Д. Айзмана с режиссером Максом Рейнгардтом о возможности постановки «Тернового куста» в Германии (постановка не осуществилась). В феврале 1907 г. Горький рекомендовал «Терновый куст» сотруднице парижского журнала «La Revue» Вере Старковой. В рецензии на пьесу («La Revue», 1907, 1 апреля. № 7) В. Старкова цитировала строки из полученного ею письма Горького: «Кровь в ней течет ручьями, но радостно, как цветы цветут, и все люди герои» (М. Горький, Материалы и исследования, т. 2,

стр. 338). Ту же мысль Горький повторяет в письме Д. Айзману от 8 или 9 февраля 1907 г.:

«Там кровь — смеется победно, там все мученики — герои, и потому все погибшие — победители. Жизнь — прекрасна даже и в окровавленных одеждах» (М. Горький, Собр. соч. в тридцати томах, т. 29, М., Гослитиздат, 1955, стр. 13).

В январе 1907 г. в письме заведующему конторой издательства «Знание» С. П. Боголюбову Д. Айзман предупредил, что, если «Терновый куст» удастся поместить в сборнике «Знание», печатать пьесу нужно не по рукописи, посланной им Горькому, а по изданию И. Ладыжникова, где были учтены позднейшие авторские поправки (ИМЛИ. П-ка «Зн» 1-9-1). В Архиве Горького (ИМЛИ. «Зн» Рав-БП 1-3-2) сохранилась верстка «Тернового куста», но в самом же сборнике (кн. 16) вместо «Тернового куста» напечатан рассказ Д. Айзмана «Сердце Бытия».

Черновой автограф «Тернового куста» (ИРЛИ, ф. 520, ед. хр. 227) датируется 9-18 февраля (1906 г.), 88 листов рукописи покрыты густой авторской правкой. Отдельные сцены имеют

по несколько вариантов. Некоторые изменения претерпел образ богача Когана. В последней редакции его появление перенесено из первого действия во второе. Эпизод столкновения Когана с рабочим Берлом значительно сокращен. Коган не выглядит теперь таким сильным, как в раннем варианте «Тернового куста». Он не отваживается глумиться над «умом нищих», «пролетариями», которые готовятся стать «командирами в жизни». Об изменении «эмоционального строя» первого акта «Тернового куста» можно судить и по заключительной реплике. В первой редакции: Леа. Израиль... Дитя мое... Тебя уже нет! Тебя уже нет!» В печатном тексте: «Дора. «Иди... Манус, — иди!..». Беловая рукопись «Тернового куста» находится ныне в ЦГАЛИ, ф. 9, оп. 1, ед. хр. 9.

Летом 1907 г. «Терновый куст» был поставлен в Териоках (Финляндия). В роли Когана выступил В. Гардин («Обозрение театров», 1907, 9 августа, № 165).

Пьеса печатается по последнему прижизненному изданию 1920 г., сверенному с предшествующей публикацией И. П. Ладыжнико-

ва и версткой Архива А. М. Горького (фонд «Знания»).

Вадим Чуваков

1907